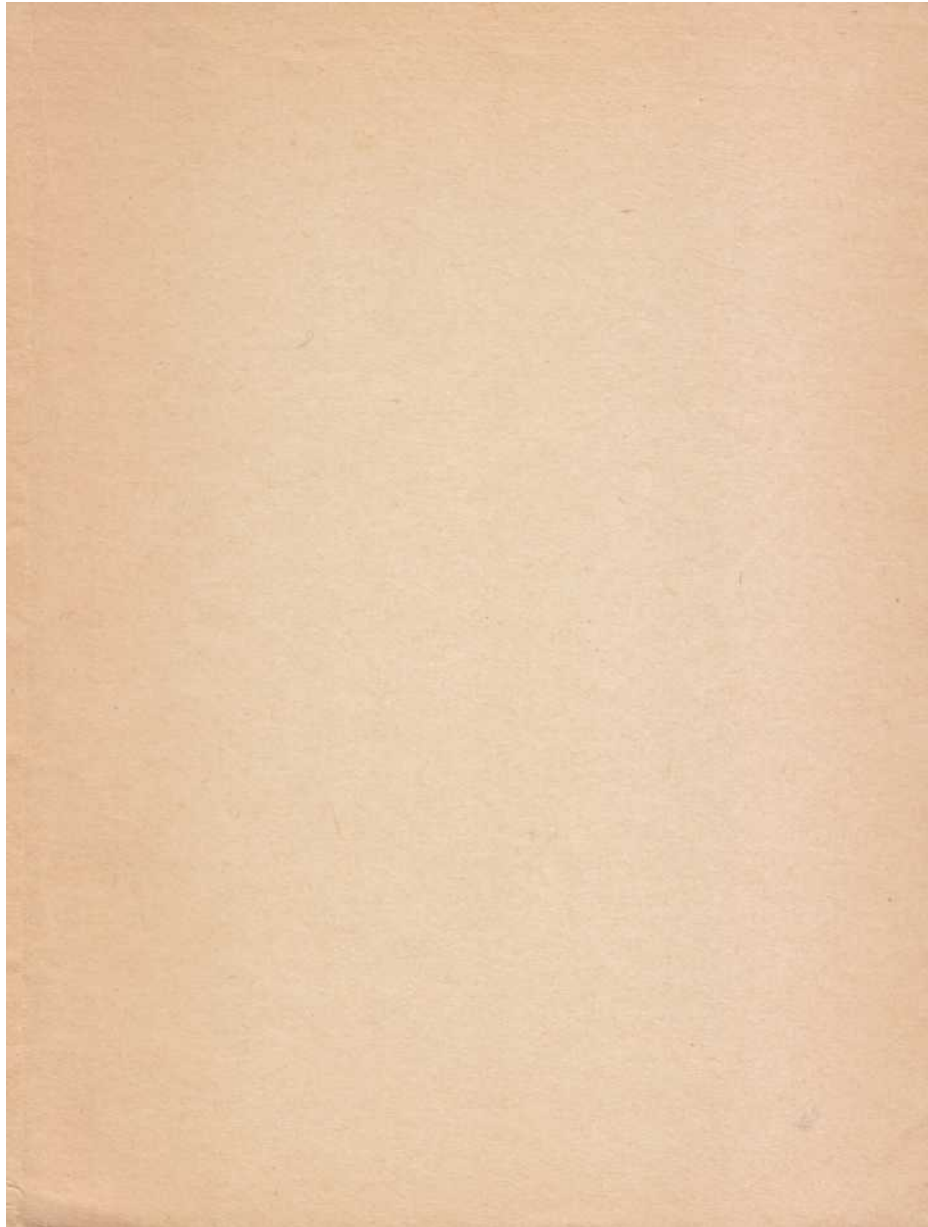
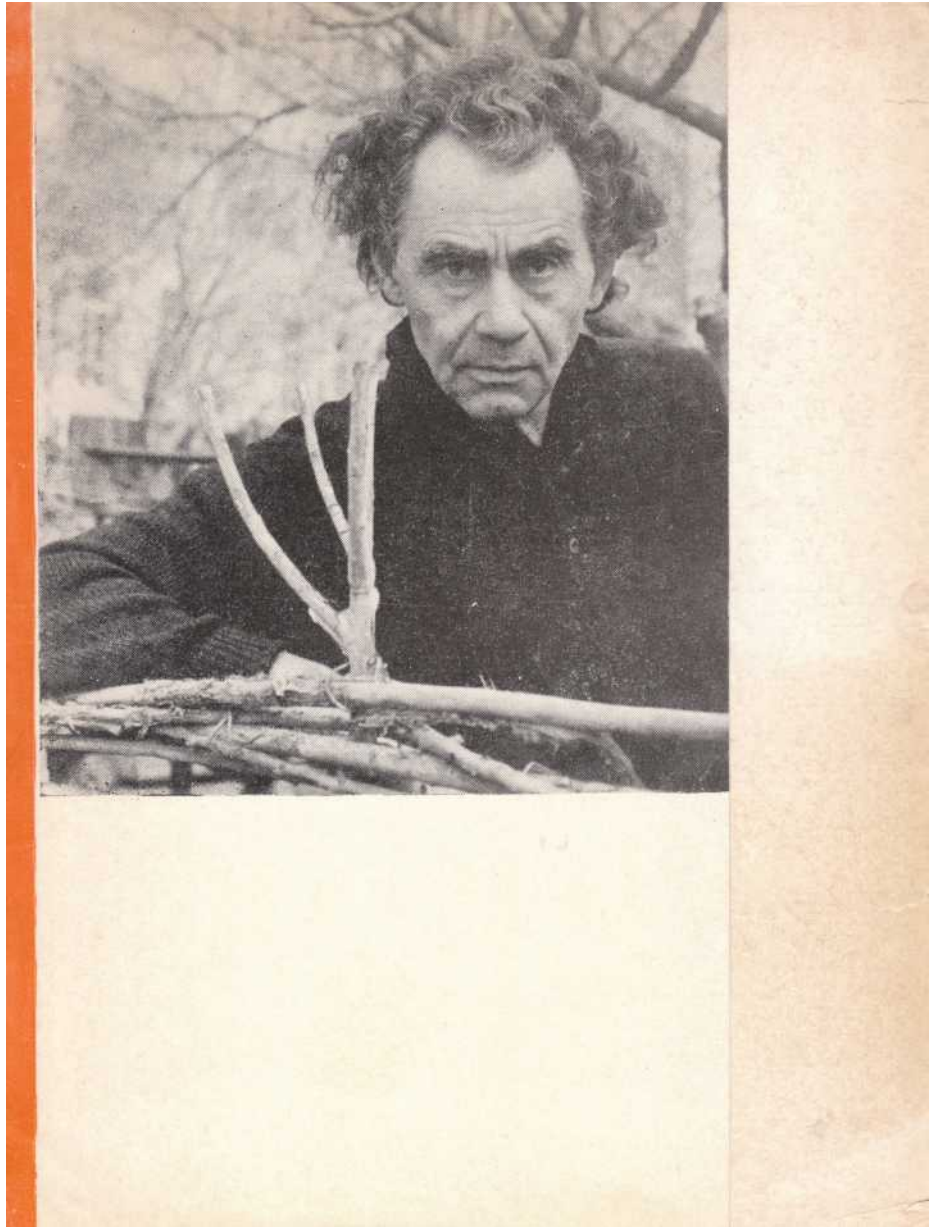

Григорьевский
ГАЛЕРЕЙ

Удивительный
ГАЛЕНЦ

Статьи. Воспоминания

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЙ АСТАН“
ЕРЕВАН
1969

75 Ар
С 23

Составитель и редактор
Майя Кузанян

7—2—2

Не легко было понять Арутюна Таленца, надо было всмотреться в его вдумчивые и печальные глаза, которые говорили больше, чем могли бы рассказать он сам. Таленц, в себе носил страдание целого поколения народа, пережившего 1915 год, вступившего в жизнь вдали от родины, не познав радости детства...

Уго в своих полотнах художник Таленц воспевал другое. Картины его захватывают свежестью, чистотой, радостью и добротой. И это не удивительно. Он воплощал в себе физическую твердую душу родного народа.

Таленц был одарен редким живописным талантом. Его творчество составляет одну из самых ярких страниц армянского искусства.

Мартiros Сарбян

3/V 1969 г.
Ереван

Александр ГИТОВИЧ

Так будет до самого марта.
Я сплю среди зимних ночей,
А горы Гарни и Гегарда
Стоят у постели моей.

И верю я верой младенца,
Что это — основа основ,
Которую гений Галенца
Мне создал из красок и снов.

Ленинград. Зима, 1965 г.

Искусство находится по отношению к точным наукам в состоянии превосходства и приниженности. Превосходство искусства в том, что произведения больших мастеров никогда не перечеркиваются последующими веками. Майоль не помешал нам любоваться статуями Донателло, мастера Возрождения не принизили Дельфтского возницу, а золотой век Греции не затмил архаики. Приниженное состояние, в котором неизменно пребывает искусство, вытекает из невозможности точно определить силу или слабость произведения. Два портрета той же модели, из которых один — живописное раскрытие человека, а другой плохое подражание цветной фотографии, могут висеть рядом на выставке или даже в музее. До небесных светил много дальше, чем до цветущего миндаля под окном, однако В. А. Амбарцумян мог доказать, что звездные ассоциации реальность, а М. С. Сарьян должен был годами выслушивать глупейшие слова различных критиков и администраторов, не понимавших, что в живописи существует ассоциация цветов.

В моей комнате висит пейзаж молодого армянского художника Галенца. Я не могу доказать, что он лучше раскрашенной фотографии. Для меня и для людей любящих живопись это ясно. Для других, которые привыкли к натуралистическим изложениям пейзажа или к картинам-плакатам с несвязанными между собою цветами, это спорно, и наверно они не скоро это поймут. Здесь уж вопрос не об удачах или неудачах Галенца, а об общем художественном воспитании.

Я вовсе не хочу сказать, что все холсты Галенца мне нравятся. Художники обычно складываются куда медленнее, чем поэты, в этом отношении они похожи скорее на химиков, чем на физиков: в живописи важно не только открытие, но и опыт, мастерство.

Однако я не понимаю людей, которые всегда стараются сказать о том, что им не понравилось. Они проходят жизнь с красным или синим карандашом и подчеркивают чужие ошибки (сами они не способны ни на что, даже на ошибки).

Я видел некоторые пейзажи Армении, сделанные художниками, у которых критики не решаются найти ошибки, пейзажи яркие, но плоские, где снежная гора — символ, где все внешне и поверхностно. Мне нравится в работах Галенца его возможность связать разрозненные части пейзажа, найти цвет, там где он выеден неистовым солнцем, нравится живописность, и я верю, что Галенц будет расти. Если он смог так работать в трудное время, не уступить и не отступить от искусства, то значит есть в нем душевная сила художника. Это главное. Остальное приложится.

Александр ДЫМШИЦ

НЕУТОМИМЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Встречи на путях нашей жизни бывают так различны. Есть встречи пустые, так сказать проходные, сопровождающиеся праздными разговорами.

И есть встречи, полные значительности, — и разговоры, которые не забываются. Разговоры с людьми, которые входят в память и сердце и о которых радостно вспоминать.

Для меня часы и дни, проведенные с Арутюном Галенцем в его домике в Арабкире за беседами, за просмотрами его замечательных работ, остаются памятными навсегда. Мы как-то сразу стали друзьями. Я отношу это «на счет» Галенца и его Армине — людей большой простоты, редкостного душевного тепла, прямоты и откровенности, доброты и приветливости. В этом доме царила такая нравственная чистота, такая истинная атмосфера искусства и любви к искусству и людям, которая сразу дарила радость гостю.

Арутюна и Армине Галенцев я воспринимал как художников, достойно представлявших Армению и ее народ, — радушный, гостеприимный, поэтический. Дом Галенцев был для меня частицей, «микрочелюстью» моего представления об Армении с ее высокими культурными, гуманистическими, художественными традициями.

Из бесед с Арутюном я много узнал о нем, о его сиротском детстве, о его скитаниях, о нелегком его пути к признанию. Я узнал и полюбил в нем художника-патриота, который, с детских лет оказавшись за рубежом, стремился вернуться на родину и отдать ей свой талант и свой труд, который с молодых лет был полон уважения к революции и ее героям. Помню рассказы Арутюна о том, как еще в годы своей зарубежной жизни, завоевав в Европе и в арабском мире репутацию талантливого художника, он писал плакаты, призывавшие к поддержке Советского Союза (дело было во время второй мировой войны), и карикатуры, направленные против сторонников гитлеризма.

Знакомясь с полотнами Арутюна, я узнал художника необыкновенного творческого разнообразия, великолепного мастера портрета, пейзажа, натюрморта, карандашного рисунка, — живописца и графика, всегда, в каждой работе нового, ищущего, меняющегося.

Разговаривая с Галенцем, я узнавал его мнения, его мысли об искусстве, крепко связанные с принципами его творчества.

Однажды Арутюн предложил написать мой портрет. Он сказал, что это его сердечное желание и что эту работу он хочет сделать «для себя». Мы условились, что он начнет ее со следующего утра и сделает за несколько дней (дня через четыре я должен был уезжать домой, в Москву).

Работал Галенц легко и, я сказал бы, весело. Посматривал на меня и рассказывал разные смешные истории. Перед тем, как начать трудиться, он посадил меня у стены под какой-то черной металлической «загогулиной», каким-то обломком гонга.

— Так будет хорошо, — сказал он. — Это интересный цветовой контраст к твоей красной рубашке.

Затем, подойдя к холсту, он бросил взгляд на дверь и пошел к ней.

— Я приоткрою дверь. Впущу сюда сад. Так будет веселее.

И Арутюн «впустил сад» на полотно.

В одной из пауз я рассказал Галенцу о том, как я впервые позировал одному художнику незадолго до войны. Дело было в Доме творчества писателей в Пушкине, под Ленинградом. Местный художник, старый человек, почти ежевечерне посещал этот Дом и писал портреты проживавших в нем литераторов. Однажды он сказал о своем желании написать меня и явился ко мне с огромным фотоаппаратом довольно старомодного вида, на штативе с колесиками.

Я удивился, спросил, зачем ему фото? Старик, прицеливаясь в меня аппаратом и готовясь набросить на себя черное покрывало, чтобы приступить к съемке, уверенно ответил:

— Новая техника, от нее не следует отказываться. Я всегда контролирую себя фотографией.

Вскоре я получил нечто среднее: не то портрет, проконтролированный фотографией, не то фотографию, «проконтролированную» карандашом.

Арутюна очень развеселил этот рассказ. Он смеялся, потом вдруг погрузился и сказал, что таких вот фотографов вместо художников еще немало водится и что зрители и даже критики нередко принимают фотографию за искусство. Все народы, — говорил Галенц, — имеют своих мастеров и своих маляров, претендующих на роль живописцев. Армяне гордятся Мастером Сарьяном, но у них есть и такой маляр, как некто N, живопись которого полностью обезличена.

Отсутствие творческой индивидуальности, эпигонство, «фотографизм», натурализм Галенц считал величайшим злом, утратой авторской позиции.

Сам Галенц был во всех своих работах художником с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Его полотна всегда проникнуты лиричностью, страстью, — они написаны «с отношением».

Уже при первой нашей встрече, знакомясь с его портретными работами, я сказал Арутюну, что яркость его красок не может скрыть стремления автора выразить на полотне свое понимание главных черт характера изображаемого лица. Галенц сказал, что он и не хочет скрывать свою точку зрения на изображаемое лицо, что, воплощая характер, он выражает и свое отношение к нему.

— Вот — рассказывал он, «комментируя» портрет одного армянского публициста, вернувшегося вместе с ним на родину после второй мировой войны, — этот человек был убежденным, идейным коммунистом. И мне хотелось во всем его облике передать эту строгую и скромную натуру. И хотелось сказать своей работой, как я уважал этого благородного человека.

Галенц показал мне интересную портретную работу, на которой лицо человека было разделено пополам невидимой чертой и по обе стороны этой незримой полосы были представлены два «настроения», два проявления характера.

— Я, — заметил художник, — видел его таким и таким... Это как бы два воплощения одной натуры.

Уже позднее, знакомясь с портретом И. Луначарской, я спросил Галенца, было ли у него желание, наряду с портретным сходством, выразить характер стремительный, целеустремленный.

— Да, — ответил Арутюн, — она ведь журналистка и, говорят, хорошая.

Когда Галенц закончил работу над моим портретом, он «прокомментировал» и его. Он сказал, что хотел передать некоторые черты моего характера, каким он ему представлялся. Это, — сказал он, — убежденность и веселье.

— Вот, — говорил он, — посмотри на рот, на глаза. Я хотел сказать, что ты романтик и оптимист.

Уж не знаю, как насчет меня, но характеристика эта как нельзя лучше подходила к самому Арутюну. Вот уж кто был и романтиком, и оптимистом, человеком, одержимым упрямым жизнелюбием и поэтическим мироотношением. Эти черты его характера отчетливо сказывались на его работах.

Как художник, Галенц был прежде всего реалистом. Он шел от жизни, от аналитического к ней отношения, которое так отчетливо проявлялось в пристальном изучении характеров. Его реалистические вкусы имели свои традиции в армянской миниатюре, в творчестве великих испанцев, в колоризме французов конца минувшего века. Однажды он сказал мне, что больше всего заинтересован в открытии красоты, таящейся в жизни, в открытии того, что остается так часто незамеченным или обойденным в жизни и в людях.

Да, его интересовало вдумчивое восприятие жизни, аналитическое понимание характеров. Но при этом он всегда оставался в своих работах лириком и романтиком, художником с отчетливо выраженным настроением, темпераментным, эмоциональным отношением к цвету и свету, с поэтикой контрастной, с линиями, подчиненными движением и порывом чувств. Сколько же прекрасной романтики в его портрете Гоар Гаспарян, выступающей в «Лакме», во всех этих женских и девичьих образах, в их легких, «летучих» фигурах, в этих прекрасных лицах на длинных-длинных, почти лебединых шеях. И какой веселой романтикой овеян его автопортрет с чуть запрокинутой головой, с непокорной гривой волос, с горящими глазами.

Романтичны и его пейзажи, — едва ли не весенние, летние, озаренные радостным светом. Это мир утренний, словно впервые увиденный во всей его буйной красоте, пронизанный солнцем и ветром, с реками, которые бегут, весело играя своими красками, с деревьями, сочно зелеными, шумящими листвою. И натюрморты у него особенные, лиричные, экспрессивно красочные, настолько живые, что их и не назовешь натюрмортами. Они поражают контрастностью своих красок, неожиданностью композиционных решений, оригинальностью деталей (вроде маленькой синей куколки, игрушки, которая кажется этакой Мальвиной с голубыми волосами). Арутюн Галенц был мастером, который стремился и умел находить новое в жизни и мире высоких, драматичных чувств.

Посмотри — говорил Галенц, — тут есть что-то новое. Это он говорил, рассматривая собственные работы или листая альбомы с репродукциями работ других художников. — Вот, посмотри, я и шаржи мог делать. — И Арутюн показывал уморительнейший рисунок высокого, массивного субъекта на тонких ногах, с огромнейшим брюхом. Это был для меня «новый» и неожиданный Галенц. — А это что? — спрашивал я, обнаружив в папках Арутюна множество набросков, посвященных каким-то опытам в области краски и беспредметного рисунка. — Это... так, техника, набиваю руку, упражняю глаз... Линия и цвет, краски и их оттенки, целые гаммы красок... Линии и краски самой жизни, охваченной в движении, в «дыхании». Для Галенца жизнь была объектом непрерывного изучения, освоения, анализа, творческого преломления в искусстве. Как художник, он искал все новых и новых способов подхода к ней, восприятия линий, света, цвета. Однажды я пошутил, сказав, что дом

Галенца очень точно встал на углу улицы Месропа Маштоца и улицы Анри Барбюса. В этом доме как бы скрестились традиции древнеармянского творчества и современного революционного искусства французов.

Арутюн не возражал. Он заметил, что без открытий великих французских новаторов, без открытий Ван-Гога и Пикассо искусство нашего времени уже не может развиваться. Но для него основой основ является, конечно, родная почва Армении, культура и традиция, истоки которых так крепко связаны с именем и делом Месропа Маштоца.

Армения была любовью и существом Галенца и его творчества. С детства видел он в своих снах и мечтаниях родную страну. И прибыв на ее землю, обновленную революцией и социализмом, он отдал ей все богатства своей души. Своими руками строил он свое жилище и свое ателье на этой родной земле родного древнего Еревана. Со своей Армине — ученицей, женой и другом — работал он над образами новых людей Армении — ученых, геологов, писателей, крестьян, над пейзажами города и деревни. Они словно состязались в новых и новых темах, — Арутюн и Армине, — иногда работая над портретами одних и тех же людей в глубоком согласии, но каждый по-своему решая свои темы. Помню, с каким волнением готовил Галенц свою большую выставку, свой первый большой творческий отчет, принесший ему заслуженное признание. Он прислал мне свое фото, снятое на открытии выставки: нарядный улыбающийся, стоял он в толпе посетителей. У Арутюна была прекрасная, детски чистая улыбка. В ней выражалось то умное простодушие, которое так характерно для больших художников, для людей открытого, «распахнутого» сердца.

Этой чудесной улыбкой он улыбался мне в последний раз, провожая меня, улетавшего в Москву, на аэродроме в Ереване. День был жаркий, Арутюн пришел в рубашке, раскрытой на груди, с непокрытой головой, лицо его светилось добротой и весельем.

Больше я его не видел. С горечью и болью узнал я о его такой внезапной, такой неожиданной смерти.

С его уходом армянская культура, Советская Армения понесла большую утрату. Он был художником Советской Армении, которой он гордился, как ее верный сын. И Армения вправе гордиться им, талантливым и своеобразным мастером, художником-искателем и новатором.

Александра ПИСТУНОВА

СЧАСТЬЕ АРУТЮНА ГАЛЕНЦА

Этот художник кажется резким, но он удивительный лирик. Его контрастные цветосочетания в первый момент поражают изыском, но выйдя на улицы прекрасного Еревана, понимаешь смысл контрастов Галенца: они проверены армянским солнцем. Арутюн Галенц смотрит на солнце, не щурясь...

Глубокая народность, любовь к земле родной и ее людям, точность смелой формы, великолепие национального колорита — это и еще многое получает мастер, идущий в русле современной армянской живописи. Но Галенц к тому же и огромная индивидуальность: свое конкретное ощущение, свое видение мира.

Его пейзажи — страстная песня об Армении, свободная, яркая, удивительно задушевная. «Осень над Зангу»... Громады скал заслушались лепета реки, как старики слушают ребенка — словно молодея при этом. Горы подставляют Зангу свои плечи, и она спускается по ним, чуть изгибаясь, — голубоглазая смешливая река. Только национальной художник мог так увидеть и написать воду — животворную светлую стихию. Смотришь на осеннюю Зангу Галенца и кажется, что именно из этой воды были зачаты первые герои эпоса «Давид Сасунский» — Санасар и Багдасар. «Старый Арташад» — влюбленный поэтический рассказ о древней столице Армении, которая скрыта буйной зеленью, круглыми деревьями раннего лета.

«Наш сад» — цветы и их тени на земле, рефлексии света на белой стене дома. Могут сказать: «Но это ведь камерно». Я отвечу скептику: «Нет, это нежно!».

И снова страницы осеннего альбома — полотна последних месяцев. «Ботанический сад» — тихая пустая аллея; шумят деревья, никого на низкой скамье. Ощущение, что лето только что отзвенело, отгорело здесь, и наблюдавший это роскошное длинное лето пришел сюда в октябре и удивился, что уже осень...

Галенц видит мир глазами своего лирического героя — гармонической, одухотворенной личности нового общества. Галенц жизнерадостен, романтичен — кажется, что его живопись в состоянии передать не только цвет и форму, но и звуки, запахи, движения.

Цветы и фрукты, которые постоянны в его натюрмортах, дышат, касаются друг друга, дарят зрителю свои неповторимые ароматы.

Маки тюльпаны, цикламены, каллы... — палитра природы и палитра мастера словно соревнуются друг другом. Цвет у Галенца кажется сначала локальным, открытым, но присмотритесь: сколько оттенков употребил живописец, чтобы создать этот определенный локальный цвет! Колористическое мастерство Арутюна Галенца совершенно. Он в состоянии показать своему зрителю наивысший момент цветения, — то состояние природы, когда она отдала своему созданию все, что могла отдать — и вместе с художником, отойдя в сторону, любит его и своим искусством. И все-таки эти два названные выше жанра — пейзаж и

натюрморт, как бы великолепно ни владел ими мастер, — не определяют его творчество. Главное в его живописи — портрет.

Его персонажи — люди тревоги, большой мысли, творческого горения. Это об их прекрасной земле рассказывает художник в пейзаже и натюрмортах. Люди — соль этой земли: их мечта, их интеллект, их талант движут время.

Тонкий лирик, Галенц в своих портретных работах — мудрый и проникновенный психолог. Он фиксирует новейший человеческий тип, создание социалистического общества. Юные и старые, веселые и печальные, ушедшие в себя, радостно общающиеся с миром — вот как разнообразны герои Галенца. В каждом из них художник нашел только ему присущую характерность и передал ее необыкновенно пластично.

Когда глядишь на портреты Арутюна Галенца, возникает чувство, что живописец выделяет форму в процессе работы как скульптор, что изображенные им люди могут в один прекрасный момент покинуть плоскость холста, — так объемны, выпуклы их изображения.

Русского зрителя трудно удивить портретным искусством: от Крамского и Репина, через Валентина Серова и Нестерова, к Кончаловскому и Корину — движется блестящая проникновенная традиция живописного портрета. И все-таки, глядя на героев Галенца, — ощущаешь его новаторство в этом многотрудном жанре. Художника никогда не связывает прокрустово ложе формы. Он исходит не от заданной заранее живописной манеры, — его конкретная модель диктует ему прием. Центр любого портрета Галенца — глаза его героя, здесь интеллектуальный и эмоциональный акцент полотна.

Ирина Анатольевна Луначарская. Пристальность внутреннего зрения, достоинство, сосредоточенность. В женских портретах Арутюн Галенц ищет всегда грацию, мягкость, поэтичность. Нежная и крылатая Майя Плисецкая... Изящная лепка плеч и лебединой шеи, одухотворенность большого, отданного людям искусства. Портрет Галенца — непременно человеческая судьба и нелегкая подчас, но сберегшая в его герое любовь к зверю, цветку или ребенку.

Портрет Геворга Эмина — суровая мужественная жизнь поэта, притом поэта трагического. Артем Алиханян — гуманная светлая мудрость человека науки.

Гамма этих полотен Галенца космически многообразна. При простоте композиции, при отсутствии особых ракурсов и преувеличений — эта гамма создает особенно насыщенную активность фона — умного, стройного, жизненно убедительного.

Творчество прекрасно в любом возрасте.

Мы восхищаемся рисунками и пением детей. В Армении мне пришлось услышать драматическую декламацию: 90-летний старик Гаспар Сарксян пел исторические песни о героях в парке им. 26 бакинских комиссаров. Это было прекрасно!

Но есть особая пора для творчества истинного художника — пора равноденствия, пора зрелости, время самого большого счастья, время урожая.

Такое время наступило для Арутюна Галенца.

Александра ПИСТУНОВА

ARS LONGA, VITA BREVIS...

Очень часто останавливаюсь у этой стены и тогда забываю, что я у себя дома. Тюльпаны Галенца согревают глаза, и в каком бы состоянии ни была в тот миг душа — ощущение полноты жизни и доступности счастья появляется в ней. Арутюн подарил мне это свое полотно четыре года назад, в Ереване. Мы виделись всего дважды, он плохо говорил по-русски, а я не знаю его армянского и тех других — арабского, французского, которым обучила его жизнь. Отчего он чувствовал, что его подарок так нужен и важен будет мне, отчего он был так чуток и щедр? «Художник знает все, даже то, чего не видел никогда», — говорили греки. Так Галенц знал и понимал далекую от него московскую мою жизнь, так чувствовал сердце едва знакомого человека.

У этого натюрморта есть сюжет, философия, в нем ощутим эффект личного присутствия лирического alter ego Галенца, раздумывающего о краткой жизни красоты, касающегося влажных лепестков, чтоб сохранить это при прикосновении к Родине. Нет, я не ошибаюсь — для Галенца каждый его пейзаж или натюрморт был лицом Армении, каждый портрет — изображением хозяина или гостя Армении. Его патриотизм был не тем спокойным чувством, которое возникает в нас в детстве и медленно живет где-то рядом с нами — его патриотизм был выстрадан, он пришел в зрелости, это было не мирочувствование, но страсть, жгучее, острое, трагическое чувство.

Мне кажется, это чувство все определяло в творчестве Галенца. И, говоря о трагичности его, вовсе не имею в виду неудовлетворенность или безысходность любви художника к вновь обретенной Родине. Трагическое — не антипод счастливому: Галенц помнил всегда, как тосковал об Армении вдали от нее, и эта память о пережитом стала слагаемым его патриотизма. Армянская печаль, будто синий абрис фигур его героев, всегда стояла за ним самим, — познакомившись с ним, я познакомилась и с нею. Трудно сказать, какой жанр был ему наиболее близок. Его линия поражала мощью и пластикой; его мазок — широтой и одновременно точностью. Он, что называется, «мыслил плоскостями»: конструировал свой сюжет из цветных плоскостей, строил его, играл тенями и светом. О нет, в его композициях вовсе не властвовал рацио, их гармония достигалась не мыслью, но чувством. Галенц был артист. Артистизм, легкость, изящество его искусства более всего поразили меня в мастерской на улице Месропа Маштоца. Он был трагический артист, его глаза замечали прежде всего печаль, боль — в человеке ли, в природе ли, в вещах ли — живых и мертвых.

Он перевоплощался в то, что писал. Это не фраза. Он становился той гордой девушкой Сато, портрет которой почти геометричен, если бы не скорбный рот и глаза; он чувствовал себя голым осенним деревом у горного селения; он прощался с красотой вместе с моими тюльпанами и также клонился долу, вытягивался лебедем на голубой скатерти. Разные бывают на свете художники — Галенц был душой всего, что видели его глаза, вот почему эту мятущуюся, беспокойную душу сохранила его живопись, вот почему она с нами сегодня. Помню всегда атмосферу его дома, его мастерской. Он был счастлив ею, в ней жило его

искусство. Невысокий (как почему-то большинство талантливых людей на свете), легкий, круглоглазый. Немедленно отзывающийся на шутку смехом — будто он струна, отдающая звук на любое прикосновение, полный движением, даже когда сидел на диване и пил кофе из маленькой чашки. Он был художник не только творчеством своим, но жизнью, дыханием, этим его смехом — баритональными глубокими колокольцами, которые звенели в его горле. Армянская гортанная его речь казалась древними стихами Нарекаци или Кучака. И хотя говорил он мало, смущенно, но каждое слово было материально — его собеседник будто видел, как рождается в нем слово и как он счастливо касается его. Певчая птица с кудрявой головой...

Помню, как он вышел провожать меня во двор своего дома и показывал плиту старого могильного камня, которую привез откуда-то издалека. Свет из открытой двери и окон падал на дорожку и на святой армянский камень. Галенц двигался в полосе света и свет писал его портрет, как если бы то была его кисть...

Этот трагический художник был очень счастлив. С горы, от ворот его дома на улице Маштоца мы глядели на Ереван — огни, нежные звуки вечернего южного города, и покой, в котором только трагик Галенц улавливал беспокойство...

Да, трудно сказать, какой жанр в живописи был ему больше по душе. И все-таки, наверное, он предпочитал портрет. Лицо его героя было для него лицом жизни. Вот почему он назвал Араксом, должно быть, изображение быстроглазой юной женщины, где одна половина лица была словно закрыта туманом, а челка уступами спускалась на лоб, как дорожка к горной речке. Он мог бы назвать Севаном юношу Саро, ушедшее в себя существо в глубокой задумчивости молодости — таким и Севан бывает на рассвете... А портрет скрипача Авета Габриэляна я назвала бы портретом великой армянской музыки, — столько красоты, строгости и силы нашел Галенц в лице своего героя.

Портреты Галенца — особое явление в советском портретном искусстве. Они кажутся живописными монументами, они объемны, словно живописцу дано было, как скульптору, отделить изображение от фона, сделать плоскость холста трехмерной — и не просто глубокой, но выпуклой.

Необыкновенно точно Галенц находил ракурс своих портретов: ракурс был для него не одним лишь средством компоновки композиции, но важной психологической характеристикой героя. Вот почему он избрал полуфас для портрета скрипача Габриэляна: на левой, повернутой к фону стороне его лица — мягкая тень, след вечной печали армянской музыки, и длинный глаз уходит в эту тень, смотрит в нее внутренним зрением. Вот почему художницу Ованнесян он изобразил в фас — широкое круглое лицо спокойно, глаза обнимают родной окоем... Галенц редко писал фигуру героя, чаще лицо, жизнь этого лица, личность. Но для балерины Плисецкой, ботаника Габриэлян он выбрал изображение почти в рост — он подчеркивал этим связь с землей их профессий, их натур, искал пластический эквивалент этой связи, создавшей его героинь.

Ни одна из возможностей портрета не была утеряна мастером. Всегда особо важным был для Галенца и фон — его глубина, цветовая гамма продолжали жизнь у героя в портрете, были его атмосферой, его пространством. Переключка красок фона, рефлекс окружающих человека вещей, иногда написанных лишь полунамеком, не подробно — формируют в портретах Галенца их настроение, их лирический подтекст. В этой слитности героя с фоном, во всегдашней сдержанности его позы, в обобщенности форм и осуществлялось стремление художника к монументальности.

Галенц рассказывал мне в наших беседах, что его упрекают порой в декоративизме, в недостаточно документально переданной конкретике. Его мучили эти упреки. Наверное, он много об этом думал, но, конечно же, не мог изменить характер своего дарования, изменить свой голос. Упрекавшие Галенца забывали к тому же, что элемент декоративности

— одна из сильнейших сторон великих произведений мировой живописи от Джотто и Андрея Рублева до Серова, Матисса, Сарьяна. Декор — такое же естественное живописное средство, как все иные, я назвала бы его музыкальным термином «аранжировка».

Не в упрек, а в похвалу Галенцу можно сказать, что он был блистательный аранжировщик, тончайший ритмист, цветовой и ритмический строй каждого его полотна был источником гармонии. Только в этой яркой, даже яростной форме и мог быть осуществлен героический портрет современника, галерея сильных, владеющих тайнами жизни людей.

Не боюсь сказать, что формотворчество этого художника было классическим: ведь он, строивший изображение из цветowych плоскостей, не допускал никогда деформации натуры, всегда был верен правде, смотрел на явление младенчески непосредственно, открывал его себе и зрителю, словно видел его впервые. Эта счастливая способность — понять дыхание всей жизни в любом ее проявлении и ради этого главного пожертвовать второстепенным — драгоценна в искусстве Арутюна Галенца.

Приехав в Армению еще молодым, но в значительной степени сложившимся художником, Галенц воспринял тем не менее многие постулаты армянской школы живописи. Он восхищался Сарьяном, понимал, что за варпетом — глубина художественной культуры, связанной с русской реалистической традицией, с мощной почвой замечательной истории Армении. Он был счастлив припасть к этому живительному роднику. Но память его сердца не давала ему покоя, не позволяла забыть — трагедия армянских скитаний стояла за его худенькими плечами, в особом свете показывая ему мир и жизнь.

Да, он приехал к нам, владея мастерством. И все-таки, говоря теперь о его уже завершившемся пути, мы понимаем, что он был **советским** художником. Не потому только, что самое значительное ему удалось создать в Советской Армении в последние десятилетия жизни, но потому, прежде всего, что темой его трагедии был этот контраст покоя и скитальчества, который ему дано было почувствовать лишь па Родине.

Я часто надписывала на конвертах его адрес — Ереван, улица Месропа Маштоца, 18... Из-за того, что он жил на улице Маштоца, я узнала, кем был великий Месроп и подивилась странной точности выбора судьбы: да, конечно, Галенц и должен был жить на **этой** улице. Я писала его имя на конверте и видела его дом, дерево у ограды, которое он изобразил осенним, оранжевое тепло и уют его мастерской, тонкие руки его жены Армине, он касался их так бережно, с тревожной лаской, которой полно было каждое движение Арутюна.

Он и сам был гармоничен, как его живопись, он был художник натурой, от него оставалось впечатление какой-то особой хрупкости его существа, и вдруг — он взглядывал на тебя как-то сильно, внимательно, будто открывал в тебе все спрятанное, молча беседуя с твоей душой. Магия жила в нем будто отдельно от него, это было провидчество, власть. Как каждый большой художник Галенц был пифией — его портреты предсказывали будущее его героя; не только будущие черты лица, но направление его грядущей жизни. Материалисты, мы не можем пока логически объяснить себе эту тайну.

Я узнала о его смерти майским холодным вечером в Москве, когда деревья еще голы, как те, которые он так любил писать на берегах Раздана, но цвет темноты и шорохи совсем иные, чем в его Ереване. «Умер Галенц» — это было потрясение, горечь во рту, едкая соль и жжение глаз... Такой молодой, — думала я, хоть знала, что его возраст называют средним... Такой молодой, ведь он не прожил на Родине и двадцати лет... *Ars longa, vita brevis*... — искусство вечно, жизнь коротка.

Дмитрий МОЛДАВСКИЙ

ДРУГ МОЙ АРУТЮН ГАЛЕНЦ

Вот уже несколько месяцев прошло с того дня, когда я получил лаконичную и убийственно понятную телеграмму: «Вчера скончался Галенц»... И лишь сейчас я набрался духу прочитать заново письма Арутюна...

Я познакомился с ним и его женой, художницей Армине, в 1960 году и очень горжусь этим! — едва ли первым писал о них в ленинградской и московской прессе, восхищенный ослепительной и умной яркостью их работ.

Между нами возникла дружба, поддерживаемая редкими, увы, встречами в Ереване (и одной в Ленинграде) и многочисленными письмами.

Самое забавное в нашей переписке было то, что мои корреспонденты весьма слабо знали русский язык, а я армянский.

Но во всяком случае мне сообщали, скажем, о наступлении весны в Армении. «Вот и оттепель. Все в Армении пробуждается и просыпается... Но пока не цветет. Было так холодно, что мы не могли работать...».

И о том, как прошла выставка Галенца: «Моя выставка здесь в Ереване уже закрывается. Прошла она с успехом и принесла мне как художнику много радости. Было приятно, что искусство мое, мои картины нужны людям и близки им...».

И о мыслях по поводу ленинградской выставки, которая, к сожалению, так и не состоялась, и даже размышления об абстракционизме, и о выставке Армине в Сирии, выставке, прошедшей с большим успехом, и о многом другом...

Может возникнуть вопрос, на каком же языке шла переписка? Письма Арутюном писались при помощи друзей (чаще всего Левона Мкртчяна) по-русски, изредка по-французски, а чаще всего на языке, понятном всему миру — Арутюн рисовал их... И рисунки его передали тот комплекс настроений и чувствований, которые художнику совсем не легко выразить словами...

Я нахожу и пересматриваю некоторые из рисунков. Вот портрет нашего неизменного друга и переводчика... Вот пародия на рисунок абстракционистов, а вот романтический пират, или немислимые — тоже, разумеется, пародийные красоты... Или шарж на меня, явно идеализирующий мой облик... Теперь все они лежат в отдельной папке. Среди фотографий с новых работ художника рисунков его и вырезок из газет нахожу указ Верховного Совета Армянской ССР о присвоении почетного звания заслуженного художника республики Галенцу Арутюну Тиратуровичу и рецензии на его работы из разных газет и журналов...

И здесь же мои заметки о книге зарубежного армянского писателя Андраника Царукяна «Люди без детства», имеющей самое прямое отношение к моему другу.

Закрываю эту книгу и вспоминаю — нет, не только ее героев, тех, у кого не было детства, а только «адская смесь из нищеты и страданий».

Еще вспоминаю полотно художника из Еревана — изображенного на нем мальчишку в широкополой шляпе, черного, упрямого, живого, с грустью в глазах. Нет, это не приютский

сирота, не отверженный бродяжка, но все-таки вложил художник в глаза его печаль-тоску, совсем не ребячью — взрослую, суровую... Может быть, вспомнилось ему собственное детство?

«...Не было у нас детства. Ведь мы были армяне. И мы были сироты», — это фраза из повести Андраника Царукяна «Люди без детства», из повести зарубежного писателя, испытавшего ужас резни 1915 года, «резни, грозившей целому народу поголовным истреблением озверевшими полчищами султана» (В. Брюсов, предисловие к «Поэзии Армении»). Но за ужасами резни для уцелевших чудом детей пришли другие ужасы — голода, физических и моральных истязаний — ужасы приюта.

Это очень страшная книга, прямая, без тени сентиментальности: «Мы были сиротами. Но мы не были сиротами со слащавых картинок воскресных журналов для детей... Наша дубленая кожа выдерживала и холод, и ветер, и побои...» И именно отсутствие сентиментальности сделало повествование правдивым и достоверным. Не знаю, по воле ли автора, или может быть, даже вопреки ей — бывает и так! — в книге очень ощутимо остро социальное видение мира.

Сама жизнь бросила приютских детей в лагерь угнетенных, и писатель увидел это, понял и заговорил об этом голосом, полным гнева и скорби.

В этом приюте называли воровок и стяжательниц, обиравших и моривших детей голодом — «мамами». Главного надсмотрщика и жулика — «папой». Здесь лишний кусок хлеба, крошечная, наполовину срезанная порция хлеба превращалась в мечту, в грезу.

Здесь процветали ханжество, здесь рождалось доноительство...

Голод подстерегал со всех сторон. Если мальчик терял ложку (или у него ее крали), он мог ходить голодным несколько дней — других это только радовало: меньше едоков, больше останется. Если он допускал шалость, его нещадно били. За любой поступок — кара. Попытается проскользнуть голодный ребенок в сад или на базар — побои... «Два надзирателя держали Арутюна, а отец хлестал его по спине и по ягодицам. Хлестал долго и яростно. Потом Арутюн не мог подняться. И после ухода отца он приполз к нам в комнату».

...А потом эти дети выросли, выросли, чтобы умереть голодными от чахотки, чтобы очень скоро кончить свою жизнь самоубийством, чтобы влачить жалкое существование.

И мы закрываем книгу Андраника Царукяна, чтобы запомнить ее героев — не только их муки, о которых так много и хорошо сказано, но и зарождающееся в них — об этом автор говорит меньше — чувство протеста хотя бы в виде злых карикатур на «отца»...

И здесь я прощаюсь с книгой Андраника Царукяна.

Хочу говорить об одном из ее героев — о том самом парне, который едва дополз до комнаты, избитый кнутом, о том самом, который рисовал «отца» удавленным и скотом. Мы с ним были знакомы. Хорошо знакомы, можно сказать, дружны.

Это с его картины «Мальчик в широкополой шляпе» я начал рассказ — теперь понятно, почему такая грусть в мальчишеских глазах!

Он — этот Арутюн — стал настоящим художником, и в советской краткой художественной энциклопедии о нем сказано: «Галенц, Арутюн Тиратурович (р. 15. IV, 1910, г. Гюрин, Турция) — живописец...» и т. д. и т. д.

Не много там написано, но могу добавить — участвовал в прогрессивной прессе в качестве иллюстратора и карикатуриста, выступал на международных художественных выставках. После войны переехал в Советскую Армению, в Ереван. Его картины есть в художественной галерее республики, многие разбросаны по собраниям страны, репродукции их публиковались во многих газетах и журналах (напомню великолепный портрет Майи Плисецкой в журнале «Театр»).

Когда я впервые попал в дом к Галенцу и его жене художнице Армине, я, уже давным-давно полюбивший армянскую живопись с ее певучей яркостью, тем не менее был ошеломлен каскадом надвинувшихся на меня красок. Сады, взметнувшие к небу свои ветви, величественные и веселые горы, и люди — лица, озаренные мыслью и думами...

Искусствовед Н. Казарян писала в статье о Галенце:

«Краски и свет. Многое высказано их помощью! Палитра Арутюна Галенца своеобразна и выразительна. Каждый цвет у него имеет какое-то свое содержание, а сочетание их — волнующий рассказ о людях и природе. Вот портрет академика А. Алиханяна. Серьезное, немного грустное лицо. Белая сорочка и общий беспокойный мрачный фон — цвет силы, дерзаний. Всмотриваешься в портрет внимательнее и видишь — внешнее спокойствие академика обманчиво. Он сосредоточенно о чем-то думает. Крупным планом написано лицо Авета Габриеляна. Подбородок твердо упирается в скрипку. Чуть-чуть очернены плечи. И хотя на полотне — лишь лицо скрипача, можно ясно представить позу, в которой он стоит, и даже почувствовать настроение исполняемой им вещи. Восхищает большое сходство и поразительное чувство характера натуры. Арутюн Галенц формы в композиции решает цветами. Ему чуждо скрупулезное вырисовывание отдельных деталей».

Это очень точное наблюдение. Психологическая глубина рождает философский оптимизм.

Не хочу писать, что на всех полотнах Арутюна Галенца пылал огонь вселенского восторга. Но черты высокого психологизма, оптимистического видения мира, вечно живого и счастливого, были присущи и пейзажам, и портретам людей из колхоза, поэтов, артистов. Иногда — я не хочу скрывать этого — на полотна А. Галенца пробирались и неясные контуры каких-то неопределенных чувствований, разбросанные мысли...

И наиболее сильным мне показался реалистический, исполненный силы и пластической гибкости портрет мальчишки в широкополой шляпе, защищающей от солнца и пропитанной его лучами, портрет умного мальчика с недетским взглядом...

...Совсем недавно я снова был у художников. Почти вплотную к саду подступил огромный корпус еще строящегося здания. В окнах его пылали огни — круглые сутки там шла работа. Но современность не только вплотную подступила к дому Армине и Арутюна. Она зазвучала в его портретах, она определилась в его пейзажах.

Со слов Галенца и со слов его жены художницы Армине мой друг литературовед записал его биографию — скупые данные о годах, городах, выставках. Вот она.

«Галенц Арутюн Тиратурович. Родился в 1910 году 15 апреля в Турции, в городе Гюрине, в семье кустика. Первоначальное художественное образование с 1925 по 1928 г. получил в Алеппо у художника Аветисяна Оника. Затем с 1929 по 1933 г. учился у французского художника Клода Мишле в Бейруте в Художественной академии, в которой затем преподавал живопись до 1939 г. Награжден Президиумом Международной выставки в Нью-Йорке в 1939 г. медалью почета, а также правительством Ливана Почетной грамотой за барельефы, созданные для павильона Ливана. В Национальном художественном музее Ливана находится барельеф 2 × 7 м., отображающий народное кустарное искусство Ливана. В Армянской церкви (Сурб-Ншан) в Бейруте находится картина «Мадонна». В 1946 г. расписан купол монастыря Змар в Ливане, диаметром 6 м. В художественной галерее Армянской ССР находится барельеф «Советская Армения», кроме этого ряд натюрмортов и портретов».

Галенц — законченный мастер. Он строг, мужествен, щедр в своих красках.

Когда я снова попал к ним в дом, новые работы Арутюна — в том числе портреты Мкртчяна, Дымшица, Инги — молодой девушки, друга семьи Галенца, великолепные натюрморты — пенящиеся цветы, яркие пейзажи, — все это говорило о вновь обретенном душевном равновесии, о внутренней силе.

Есть одна черта, о которой нельзя не сказать, говоря о работах Арутюна последнего времени, — это настоящий психологизм — вторжение в мысль, в думы, в чувства зрителя. Мир, раскрытый мастером, это мир глубочайшей веры в жизнь, мир радостный и человеческий.

...Конечно, прошлое не забывается — вновь и вновь ловлю себя на том, что где-то в уголках глаз героев живописца нахожу иногда грустинку, проступающее воспоминание о былом... А может быть, это уже мое самовнушение?

Может быть, все это просто потому, что я знаю биографию этого человека — отверженного мальчишки из приюта, напоминающего концлагерь, и превосходного живописца родной Армении?

1968

Нонна СТЕПАНЯН

СЧАСТЛИВЫЙ ТАЛАНТ

В каждом городе есть места, которые составляют его гордость. В них как бы сосредоточивается сокровенный смысл жизни людей, содержание их труда, их радостей и печалей. В этих местах человек издавна как бы сразу постигает такие пласты народного характера, духовного мира, всей культуры, какие не открывались бы ему даже годами подробного, но «бытового» изучения. В Ереване немало таких мест. И одним из них давно уже стала мастерская художника Арутюна Галенца.

Объяснить это явление не просто, хотя и считается, что нет ничего в мире, что не было бы подвластно словесному выражению. Вместе с тем, что бы ни сказали о природе искусства, о природе обаяния и привлекательности, все будет не полно, и всегда найдется человек, который объясняет все это иначе. Соприкосновение с человеческими чувствами всегда оставляет уголок для необъяснимого. Так и чувства, которые вызывает искусство Галенца, постоянны, но далеко не все — объяснимы.

Почему, например, когда бы ни зашел к Галенцу, тебя охватывает ощущение беспричинного счастья, успокоенности? Можно ли увидеть причину этого только в звучных сочетаниях красок, в гармонии переходов, легкости и величавости, струящейся с полотен и передающей даже неискушенному зрителю особое веселие творчества? Мне думается (хотя я отдаю себе вполне отчет в том, что мое объяснение может дополнить каждый любящий искусство человек какими-то новыми, своими соображениями), что секрет воздействия живописи Галенца кроется в особом ее свойстве, которое я бы назвала «органичностью». И уж эта-то «органичность» вызвала к жизни все остальное — и гармонию живописи, и безошибочный вкус, и атмосферу вдохновения, свойственную почти всем его полотнам в отдельности и всему творчеству в целом.

Под органичностью я понимаю многое, и в первую очередь — понятие призвания. Все пронизано глубоко личным даром, все подчинено ему. Школа, выучка, культура наложились на этот дар, отшлифовали его, дали ему возможность осуществиться, но этот природный дар — здесь главное, главное, потому что подкупает (так природный тембр голоса подкупает прежде всего в пенни.)

Под органичностью я понимаю также неумение, невозможность работать иначе, чем подсказывает сердце, чем велят рука и глаз. Наша живопись переживает сейчас сложные процессы. Я далека от того, чтобы упрекать художников, вчера выписывавших все орденские колодки на своих портретах, в том, что сегодня они их не рисуют. Нет оснований не верить в их искренность (и раньше, и сейчас), они меняются, потому что меняется время, в котором мы живем. Но подлинную гордость нашей культуры составляют те, кто всегда оставался собой, кто в искусстве видел высокое служение и не путал искусство ни с чем.

Нам в Армении повезло — среди нас живет Сарьян, и вряд ли можно привести лучший пример верности своим творческим принципам! И к Галенцу это рассуждение относится

полностью. В его работах можно различить периоды, можно увидеть, чем он интересовался вчера, что волнует его сегодня, но это всегда — интересы, свойственные самой логике его творчества, это всегда интересы искусства. Каждый поиск вызывает абсолютное доверие. «Современность» манеры здесь не только не имеет ничего общего с модой, но по самой природе своей враждебна ей.

Наконец, под органичностью я понимаю одно важное качество самих работ Галенца, это их внутреннюю цельность, соответствие выполнения замыслу, а всех компонентов формы — друг другу. Мера экспрессивности рисунка соответствует мере повышенности цвета, система трактовки формы выражает общий замысел. Ничто не выпадает, ничто в изображении не кажется специальной заботой художника, но только живописец знает, какого огромного чутья (и какого труда!) стоит этот эффект.

Вот почему (и по многим другим причинам) выставка работ А. Галенца, открывшаяся 6 октября в выставочных залах Дома художника в Ереване, стала подлинным праздником живописи. Однако несколько слов о самих работах.

Наиболее оригинальная грань творчества художника — портреты. Человек интересуется Галенца не в плане последовательного раскрытия его психологии, не в плане передачи его душевного склада, постоянного состояния его души — на его портретах человек дан в изменчивом виде, поддающемся додумыванию со стороны зрителя. Они обладают самостоятельной красотой, открывая необычайный простор ассоциациям.

Весь формально-образный строй портретов Галенца подчинен той концепции характера, которой увлечен сейчас художник. В портрете «Математик Э. Чолахян» (1962) светящаяся, желтоватая кожа лица в сочетании с опущенным, углубленным взглядом, удивительный по красоте контраст сине-черных волос, светящегося жемчужного фона и розоватых теней создают тот особый, глубоко современный характер, в котором причудливо уживаются женственность, красота и интеллектуальность.

Или другой из портретов Галенца — портрет актрисы Валентины Хмары (1961), пугающий своим сходством с запертой в клетку птицей, — и в этом характере, замкнутом, трагическом, мы видим современницу, ее сложный духовный мир, богатейшую шкалу ее внутренних переживаний.

И как бы контрастом к ней — «Портрет Анаит Алиханян» с его девичьей ясностью, незамутненностью взгляда, хрупкостью.

В каждом из названных портретов сама живопись художника совершенно различна. Прозрачная, светящаяся в первом портрете, она становится плотной, лишается переходов во втором, а в третьем напоминает акварель, сочетаясь с контурами и брызгами, казалось бы, ей несвойственными.

Интересны и мужские портреты Галенца — они более характерны, остры, в них есть известная гротескность. Таков портрет писателя-переводчика Вивана Читечяна (1958), в котором преувеличения форм, холодная серо-зеленая гамма, перебивающаяся темными резкими контурами головы и плеч, каждое движение кисти подчинено выявлению внутреннего состояния этого человека — скептического, немного разочарованного, тоскующего...

К лучшим портретам Галенца относятся «Портрет писателя А. Вартапяна», «Балерина Майя Плисецкая», «Автопортрет в соломенной шляпе», «Портрет Пусика», «Портрет писателя Хачика Даштенца» (1961). Это камерные, лирические портреты, в каждом из них заложено поэтическое зерно. Можно сказать, что портреты Галенца не поддаются передаче в прозе — их можно спеть, их можно уложить в лирическое стихотворение. Модели как будто обнажили перед художником сокровеннейшие движения своей души. Мир неожиданного лирического разоблачения, мир редких минут откровенности человека наедине с собой — вот стихия портретов Галенца, вот его сфера.

Отдельный раздел его творчества — пейзажи и натюрморты. Эти работы при всей их верности изображенным сюжетам можно было бы назвать «фантазиями на темы». Красота зримого мира становится для художника поводом для развертывания разнообразнейших по колориту и формам живописных композиций. В лучших из них, например, большом пейзаже «Весна» (1960) с белыми, перемазанными известью цветущими абрикосами и как бы выросшей в этом саду фигурой девочки, небольшом осеннем пейзаже 1961 года, ночном пейзаже с шезлонгом (1962) есть волнующая сила открытия красоты окружающего мира.

Галенц — художник светлый, радостный. Его лирический дар — дар светлого, радостного отражения мира. Это — талант, весь посвященный гармонии и красоте. Вместе с тем, как подлинный живописец, Галенц решает проблемы живописного мастерства, он постоянно ищет в области выразительных средств изобразительного искусства. В этом он близок к той линии в искусстве наших дней, которая характеризуется именами таких живописцев, как Матисс, Дюфи, Кончаловский, Сарьян...

1962

Рафаэль АРАМЯН

БИОГРАФИЯ ПОЛОТЕН

На выставке Арутюна Галенца есть натюрморт, датированный 1936 годом. Он весь словно окутан дымкой печали, краски его приглушены, тоже будто грустят на полотне. Кажется, что это мир цвета, и видишь его сквозь заиндевевшее стекло, и стоит только протереть стекло, как краски засияют, заблещут.

Рядом с этим старым висят новые натюрморты, портреты, пейзажи — здесь уже «стекло» тщательно, до блеска протерто, нет налета печальной дымки. Они покоряют лирической настроенностью, приглашают принять участие в празднике красок.

Это два Галенца — старый и новый: один — окутанный дымкой грусти, другой — полный радостных ликующих красок, но... не будем забегать вперед, об этом полагается говорить в конце, так мы и сделаем.

Арутюн Галенц. Нужно ли пересказывать его биографию? — спрашиваю я себя и тут же решаю: — Нужно. Нужно по той простой причине, что сегодняшние взрослые не знают о поколении, которое, избежав резни 1915 года, воспиталось в приютах, не знают или не могут себе представить, как лишилась родины часть армянского народа, жила, мыкала горе на чужбине, под неродным небом, но сердцем осталась верна родине, жила воспоминаниями об утраченном родном очаге, радуясь успехам цветущей Советской Армении.

В каком году родился Галенц? Он и сам этого точно не знает. На дороге бегства из Кюрина убили отца художника Тиратура, а мать умерла еще раньше, когда ему было едва пять-шесть лет. Потом приют, сироты с бритыми головами, сиротские песни. Первое, что он нарисовал в школе, было осиротевшее, одинокое дерево, мальчик с бритой головой и длинная, очень длинная дорога — дорога беженцев. Нелегко было бороться с давящей на плечи биографией своего поколения, с безнадежной ностальгией, и такая же безнадежная грусть прочно поселилась па полотнах художника, заволокла грустной пеленой краски. Он писал безудержно, страстно, каждый день и час. В 30-е годы в Ливан из Франции приехал 72-летний художник Клод Мишле. Вместе с Галенцем он объездил Ливан, вместе с ним организовал свою выставку. В 1939 году Галенцу было поручено оформление Ливанского павильона на Нью-Йоркской международной выставке. Он уже стал известным, признанным художником. В 1946 году первым караваном репатриантов Галенц приехал на родину.

Первая выставка художника открылась сразу же после его возвращения на родину. Это не была индивидуальная выставка, в ней приняли участие и другие художники, вместе с Галенцем обретшие родину. Художник представил свои портреты, натюрморты и очень мало пейзажей. Я спросил его тогда: «Почему так много портретов?». И он мне ответил: «Там, на чужбине, эти армянские лица были частицей родины. В портрете этого старика я узнавал родные черты отца, видел за ними родные горы. В портрете этого мальчика есть и мое детство, которого у меня не было. Портреты для меня — и пейзажи, и еще многое. Портреты — это моя родина».

Прошли годы, шестнадцать долгих лет, и вот я снова на выставке Галенца. Иной стала его палитра, иной — тематика картин. Вот об этом и пойдет сейчас разговор.

Какая-то особенная акварельная легкость, прозрачность есть в новых картинах художника. Его палитра чиста, нет на ней неясных, мутных красок и, что очень важно, они не отталкивают нарочитой подобранностью. Талантливый колорист умеет создать такое соотношение красок, так столкнуть их в цветовой гамме, что они не мешают друг другу, не становятся самоцелью. Ищущий, беспокойный характер дает возможность художнику не повторять раз найденную компоновку, и он каждый раз предлагает зрителю новую интересную композицию. На выставке три портрета Эммы Чолахян, и все они разные — и по цвету, и по композиции. Кажется, вот где художник может повторить себя, повторить раз найденный прием раскрытия характера. Но это не так. Галенц каждый раз находит какую-то новую цветовую гамму, по-новому видит натуру. Таковы и другие его портреты; каждый из них решен по-новому, дан в новой компоновке. Если даже художник повторяет уже знакомый нам замысел, звучит он по-новому, иначе раскрывает натуру. В портретах Топузьяна и Аракс не выписан один глаз, но эти ненаписанные глаза будто смотрят на нас из глубины полотна сильнее и пронизательнее, чем написанные, выражая разные психологические настроения.

Это единственное повторение, которое можно встретить на выставке, оно будто нарочно сделано для того, чтобы мы видели, как можно повторяться, оставаясь непохожим. Портрет Норы Габриелян покоряет искусством исполнения. Чуть удлиненные глаза рассказывают о человеке бесконечно добром, преданном, самоотверженном. Невысказанной грустью веет от портрета Сато, явное смещение в портретах писателей Гайка Варданяна и Хачика Даштенца помогает подчеркнуть характерность образов.

С этой точки зрения интересно сделаны портреты писателя Геворга Эмина, скрипача Авета Габриеляна. Кажется, что вот сейчас запоет скрипка или, нет, ты уже слышишь ее, — и все это настроение создает не присутствие скрипки на полотне, а весь облик скрипача. Портрет балерины Плисецкой полон динамики, в ней чувствуется какая-то затаенная тревога, будто у лебедя, собирающегося взлететь, и глаза глубокие, настороженные, полны тепла и нежности.

Пейзажи Галенца — поэтическая хвала, гимн весеннему возрождению родной природы, щедрым краскам осени.

Галенц — лирик в живописи. Ему же свойственно эпическое дыхание. Он своего рода поэт в живописи, но никак не прозаик, не рассказчик. Его живопись — искусство. Это определение может показаться странным, но это действительно искусство, и этим многое сказано.

Мы подчас наделяем эпитетами «талантливый, высокоталантливый, одаренный» не очень достойных, а порою пренебрегаем словом «искусство», что оно подчас даже утрачивает свое великое значение. Но искусство — это то, к чему во все века стремились художники. И, достигнув его, они не отвечали на вопрос: почему здесь допущено смещение, почему цветовая гамма условна. Просто их старались понять: почему они видят, воспринимают жизнь именно так. Галенц тоже заслужил это право, он создал искусство своеобразное, галенцевское искусство.

Рубен ЗАРЯН

С ПОЛОТНАМИ ГАЛЕНЦА НАЕДИНЕ

Много лет назад на одной из выставок, организованных в Доме художника, были выставлены два полотна Арутюна Галенца. Сейчас уже не помню, что это были за работы, могу только сказать, что особого впечатления они на меня не произвели: возможно, не вник глубоко или же просто не понял; возможно, эти две картины были не из лучших работ художника. Одним словом, взглянул и прошел мимо. Картины эти не стали для меня источником глубоких размышлений.

Однажды поэтесса Маро Маркарян предложила пойти к Галенцам. Присоединился, откровенно говоря, больше из желания не отказывать моему старому другу.

Познакомились.

— Варпет, — обратилась Маркарян к Галенцу, — товарищ Зарян хочет видеть ваши работы.

Я знал, что у Маро для каждого припасено теплое слово, но «варпет» счел чрезмерным преувеличением.

Не скрою, не видя еще работ Галенца, сам он как личность привлек меня своей удивительной, я бы сказал, чуть небрежной, что ли, манерой принимать людей незнакомых, не подчеркивая, что это их первая встреча. И возникала искренняя, сердечная атмосфера, которая не сковывала. А когда полотна стали сменять друг друга, я не только был захвачен, пленен увиденным, но понял, что передо мной действительно большой мастер.

Появилась потребность вторично посетить его, вновь видеть картины, подчас просить не торопиться сменить какое-либо полотно другим, чтобы подольше побыть с ними наедине.

Прошло время. Он написал меня и из трех моих портретов один нашел наиболее удачным. Сказал: «Вот это ты». Взглянув на полотно, я себя не увидел. Однако тонкие знатоки живописи не только уверяли, что это я, но и утверждали, что это полотно с живописной точки зрения исключительное.

Состоялась персональная выставка Галенца. Когда я вошел в зал, мне почудилось, что он полон света и пылающих красок. Поделился своим впечатлением; оказалось, что таково мнение многих. Значит, впечатление было верным.

Галенц вошел в мою жизнь, как когда-то Седрак Аракелян, с которым, увы, я не был знаком, или Бажбеук-Меликян, с которым, к сожалению, только имел две встречи.

Я не специалист и, естественно, не беру на себя смелость высказывать профессиональные суждения, но хотелось бы остановиться на одном портрете, не анализируя его с точки зрения живописи. Не скажу и о колорите, пусть об этом говорят специалисты. Эта картина произвела на меня неизгладимое впечатление, тем более, что изображенный на портрете был мне знаком. И смотря на полотно, я удивился, как художник сумел проникнуть в человеческую психологию. Речь идет о портрете Вивана, который сейчас висит в семейном выставочном зале дома художника.

Виван — репатриант тридцатых годов, добрая, симпатичная личность, молча пережившая свою глубокую драму. И на эту душевную скорбь направил художник свой зоркий взгляд, прежде чем поднести кисть к палитре, а затем к полотну.

Я знал Вивана, был с ним знаком. В тот период я руководил отделом художественной литературы Государственного издательства. Пытался облегчить ему жизнь и не могу сказать, что это мне удалось.

Виван приехал из Франции. Там он был писателем. Но кто только не пишет в зарубежных армянских колониях. Рядом с настоящими талантами бездарные личности, которые лишь грамотны и желают высказаться об утерянном детстве, о тоске по родной земле. И пишут, одни прозой, другие стихами. Печатаются, если имеют не только желание, но и деньги, и вышедшее из-под пера преподносят вниманию читателя как книгу. Писатель не актер. Актер на первом же выступлении почувствует холод зала. Аудитория же писателя в какой-то мере живет независимо от него, и трудно ее почувствовать, особенно если от друзей услышишь несколько хвалебных слов. Ни один из противников актера не может подчинить себе весь зал, но человек без призвания всегда может себя утешить тем, что пресса в руках его противников...

Виван был за рубежом писателем. И прибыл в Ереван не только с надеждами, но и с уверенностью, что его здесь ожидает широкое поле деятельности. Случилось обратное. Выяснилось, что он не писатель. С этим не примирился лишь Виван. Этого он не понял до конца своих дней. И до конца был убежден, что его не оценили, не поняли, что погиб истинный талант.

Крушение надежд... Перевел «Отца Горио», работал, чтобы жить. Но в глубине души, незаметно для постороннего, затаил огромную тоску, и его взгляд был бесконечно печальным. Он не примирился с этой мыслью, но не жаловался, не восставал, скрывал свои переживания. И об этом знали лишь его жена да несколько друзей и товарищей.

Лицо Вивана было удлинённым, чуть «лошадиным», как у Аксея Бакунца. И Галенц написал его портрет. Будто кисть обмакнул в его печали. Лицо было продолговатым, на полотне Галенца еще длиннее. И чтобы подчеркнуть эту вытянутость, руку, на которую опирается лицо, художник также утрированно удлинит. Его глаза в жизни грустные, — художник изобразил полными тоски. От тоски, от душевного страдания кажется, будто все его лицо вытянулось еще больше.

Я не спросил Галенца, что он думал, создавая портрет. Теперь, когда я пишу эти строки, сожалею об этом. Надо сказать, что он не любил пояснять свои работы. И в подобных случаях обычно шутил: что, дескать, он не всегда же будет рядом с картиной, картина должна сама за себя говорить, себя пояснять. Только раз, хорошо помню, обращаясь к Вивану, сказал: «Дон-Кихот этот человек».

Галенц обобщил, изобразил драму непонятого человека. Человека, который пришел в этот мир и не нашел своего места. И люди не поняли, где его место и он сам. Он прожил целую жизнь в ожидании дня, когда будет понят. Хотя и печальный, раздумывающий, тоскующий, он жил надеждами. Видимо, надежда — это единственное чувство, которое не покидает человека до последнего момента его жизни.

Утрирование цвета, деформация форм, имеющаяся в полотне Галенца, подчеркивает, акцентирует внутреннее переживание человека, достигающее драматического накала.

Художник понял натуру. Не думаю, чтобы он не уловил подобное жизненное недоразумение как источник душевной обиды. Но в данном случае не это главное. Существенно то, что человек может мечтать об одном, а жизнь диктует иное. Это драматическое противоречие взволновало художника, который на минуту почувствовал и пережил это как собственную драму, и у него появилась потребность затронувшее его чувство поверить полотну.

И я, частый посетитель дома Галенца, друг художника, всегда испытывал потребность постоять у портрета Вивана.

Мне был дорог Галенц и как художник, и как человек, тем более, что в его натуре была глубокая артистичность. Никогда не забуду его глаза. Лицо улыбалось, а глаза с печалью смотрели на тебя.

Теперь, когда его нет и я бываю в его доме, поднимаюсь на второй этаж в выставочный зал, смотрю картины и обязательно останавливаюсь у портрета Вивана, я думаю, как сумел художник, оттолкнувшись от жизни, расширить материал и создать психологически более глубокий образ, чем он был в действительности. Чтобы так понимать человека, так суметь изобразить его, надо быть «варпетом» и, прежде всего, любить человека.

Арто ЧАХМАХЧЯН

ДВА СЛОВА

Галенц был художником среди художников!

О нем, как и о любом истинном таланте, писать очень трудно. Под кажущейся простотой его работ, как и простотой его натуры, скрыта глубокая философия. И эта философия утверждающая.

Величие Галенца в том, что он не подчинялся внешним формам натуры, сознательно их не принимал. Определив, творчески осмыслив для себя данный образ, он создавал его средствами собственных форм, соответствующих сложившемуся в его представлении образу, делая его более глубоким и полным. Галенц был одним из первых художников Армении, утвердивших подобное начало в живописи. Но с первого взгляда это не ощущается в его работах, поскольку Галенц покорял зрителя как большой мастер цвета. В этом одна из главных причин его популярности.

Галенц — большой колорист. Для меня же как скульптора ценна не только красочность, но и скульптурность его форм.

Картины Галенца в высшей степени гармоничны. Линия, цвет, конструкция, форма — все абсолютно совершенно. И, оставаясь глубоко национальным по духу художником, он благодаря этому и интернационален.

Хочется сказать о декоративности Галенца. По моему мнению, понятие декоративности художник заново осмыслил. И приходится очень сожалеть, что он не создал больших панно. Это полнее выявило бы его подход к данному вопросу.

В заключение скажу: лучшее воспоминание о художнике — это его изумительные работы.

1969

Шаэн ХАЧАТРЯН

МИР ГАЛЕНЦА

Искусство — человек плюс природа.

Ван-Гог

Первое, чем сразу же впечатляют полотна Галенца — цвет, мир красок. Нам, армянским любителям живописи, не кажется удивительным этот мир, ибо чистые, звучные краски близки нам. Но каждый художник тем не менее имеет свое цвето-линейное мышление, которое прежде всего — принцип и уже затем характеристика художника, показатель его индивидуальности.

У М. Сарьяна, к примеру, исходным в цвете служит материал, реальность. Несмотря на условность и подчеркнутую звучность, сарьяновский цвет насыщен, плотный. Объясняется это всем складом художника, его преклонением перед природой, живительной любовью к земле. И еще тем, что искусство Сарьяна продиктовано временем, призвано утверждать бытие страны и народа.

Живописное мышление Галенца тоже проистекает из оптимизма. Однако о «материале» художник будто и не задумывается: его живопись как бы подернута флером, прозрачна. Галенц перевоплощает увиденное ласковыми прикосновениями кисти с необъяснимой, тайной опаской. Он тяготеет к таким сочетаниям красок, которые придадут его произведениям трогательную, восторженную лиричность.

Взгляните на его пейзажи. Вы увидите природу, как бы одетую в кисею, девственную и чистую. Вы увидите краски, которые дышат вольной жизнью. И в вас пробудятся чистые, добрые чувства.

Взгляните на его натюрморты, и вы почувствуете ту же прозрачность. Вас охватит детская радость и легкость. Передадутся искренние чувства живущего красотой природы художника.

Взгляните на его портреты. Перед вами встанут люди богатого внутреннего мира, наши современники. И тончайшие краски скажут вам о глубокой любви художника к человеку, вере в него...

У песни Галенца глубокие корни.

Зарубежные армянские художники (и не только художники) прошли сложный жизненный и творческий путь. Явилось это поколение в мир в больших душевных муках, страданиях, которые шли из веков, а после 1915-го года стали тяжелой, навязчивой мыслью. И лучшие наши зарубежные живописцы, жившие и живущие — П. Контураджян, Гарзу, Жансем (Ованес Семерджян) во Франции, Ж. Оракян в Италии, А. Горки (Востаник Адоян) в Америке, Б. Коджаманян, О. Аветисян, А. Акопян в Египте и другие — в своих произведениях так или иначе откликнулись на великую скорбь родного народа.

Арутюн Галенц — тот из живописцев своего поколения, который во всем своем творчестве из этих мрачных воспоминаний вывел другую песню. Вместо горя Галенц воспел любовь, за черными тучами он разглядел чистое, лучезарное небо. Всем своим творчеством он встает перед нами как поэт, которому дороги жизнь и природа, красота, счастье и мечта. И если читается в его ярких полотнах, портретах и грусть, то это светлая, молчаливая боязнь вожделенного покоя жизни. Такое мировосприятие для Галенца не случайно. Это неопровержимое свидетельство выкованного в веках жизнелюбия нашего народа, который всегда отстаивал свое существование, утверждая красоту жизни. Именно это чувство вспыхнуло солнцем в искусстве Сарьяна и нашло свое совершенно отличное выражение в творчестве Галенца.

Что и говорить, настоящей почвой для песни Галенца могла быть только отчизна. И именно на родине выкристаллизовалось искусство Галенца. Галенц рожден был художником и дар этот свой проявил рано. Вот случай из отроческих лет, который с волнением вспоминал художник.

Окончивший Римскую академию художеств Оник Аветисян приехал в Алеппо. Вокруг него собирается группа способных учеников и среди них Галенц. При виде одного из этюдов Галенца Аветисян покупает работу и говорит: «отныне за учебу платить не будешь». То было первое признание таланта Галенца. Аветисян следит за юношей, поощряет работать так, как сам Галенц чувствует.

Галенц так и не получил академического образования. Другой его учитель — француз К. Мишле — впоследствии писал: «Галенц пришел работать в мою мастерскую и стал моим учителем».

Он всегда пребывал в состоянии творческого роста, а в последние годы жизни создал исчерпывающие его замыслы, совершенные полотна. «Весна», «В ущелье Занги», «Осень на берегах Раздана», «Цветы», «Наш двор» и другие работы дают полное представление о творческом принципе Галенца. В ранних его работах можно наблюдать, как рисунок художника преимущественно передает конкретные формы элементов природы. В этих работах рисунок более независимый, обобщенный. Он освободился от внешних проявлений реальности и, связываясь с плоскими цветовыми объемами, вылился в выразительные, самобытные формы. К примеру, в полотне «На берегу Занги» этими формами цветовой и пластической выразительности живописуется чувство весны. Целостность полотна достигнута равномерным распределением цвето-линейных обобщенных форм — зеленым, желтым, светло-розовым. Этот цветовой аккорд непосредственно передает само чувство.

В портрете сходство с натурой и необходимость раскрытия душевного склада, казалось бы, должны были в какой-то мере сковывать художника. Однако этого не происходит. В портретах А. Алиханяна, М. Плисецкой, А. Гитовича, А. Габриеляна, А. Топузьяна и других Галенц предстает перед нами своеобразным мастером этого жанра. Он цепко схватывает впечатляющее в человеческом характере, не отвлекаясь от своего метода организации полотна пластическими формами. Более того, в портретах художник часто достигает крепких, почти скульптурных цветовых построений. Присмотревшись внимательно, можно заметить, что точных пропорций тела, лица модели художник не нарушает, однако подает их обобщенными формами и в свободном цветовом решении. В портрете А. Гитовича две половины лица решены посредством светлых цветовых поверхностей, напоминающих раскрытую книгу. И глубокий вдумчивый взгляд писателя словно обращен к нам из строк его книги. Скрипача А. Габриеляна, балерину М. Плисецкую, физика А. Алиханяна мы видим в отображающих их сущность галенцевских цвето-линейных конструкциях.

Живописное мышление Галенца — построение полотна плоскими цветовыми объемами — тесно связано с традициями «цветовиков» в современной живописи. Но при всем этом Галенц самобытен, у него свое лицо, он шел своим путем.

Однажды о нем писали: «Будь Галенц в Европе, он был бы так же знаменит, как Гарзу и Жансем». Зная Галенца, мы не сомневаемся в этом. Однако для создания полотен европейского уровня Галенцу не обязательно было жить в Париже, ему достаточно было Армении. Более того, родная земля была подлинной основой его творчества.

1969

Левон МКРТЧЯН

ОБ АРУТЮНЕ ГАЛЕНЦЕ

В первых числах сентября 1959 года в номере ереванской гостиницы «Армения» Илья Григорьевич и Любовь Михайловна Эренбурги спрашивали у меня об одном художнике. Зовут художника Галенц, они видели его работы в Москве у Лили Брик и теперь хотели бы побывать у него в мастерской.

Эренбург был удивлен, что я, ереванец, не знаю такого художника.

Прошло несколько дней, я пришел к писателю записать беседу для газеты «Коммунист» (интервью опубликовано в номере от 13 сентября). Эренбург говорил об армянских художниках, об Овнатаняне, Сарьяне, сказал о Галенце, мастерскую которого помог ему разыскать Геворк Эмин. «Много смелого и интересного нашел в творчестве Галенца», — заметил Эренбург.

В понедельник 14 сентября Эренбург вылетал в Москву. Среди провожающих был Арютюн Галенц. Мы познакомились. Я стал бывать у него в мастерской. Полотна художника поразили меня. Я не был ни любителем, ни знатоком живописи. И тем не менее, один раз увидев работы Галенца, я остро почувствовал их силу. У меня то и дело возникало желание еще и еще раз взглянуть на тот или иной пейзаж, портрет — и так до тех пор, пока я не запоминал картину. Многие полоша Галенца я словно бы выучил наизусть, я их вижу, они всегда передо мной. Так читаешь и перечитываешь хорошие стихи, запоминаешь их — и затем повторяешь полюбившиеся строки по памяти.

Во всем облике и окружении Галенца было что-то праздничное и что-то трагическое. В его глазах — очень выразительных — всегда жила радость и печаль, глубокая, какая-то изначальная.

Галенц был щедро талантлив именно на то, чтобы радоваться и радовать людей. А жизнь была трудной. Художник, как и Гейне, мог бы сказать, что у него «таланта нет к страданиям», мог бы, как и немецкий поэт, сказать о своих муках и выразить свое изумление:

Прости, но твоя нелогичность, господь,
Приводит в изумленье.
Ты создал поэта-весельчака
И портишь ему настроенье!

Галенц жаждал гармонии, а его раздирали противоречия. Если что-то его расстраивало, он горячо спорил, возмущался. На доводы отвечал еще более сильным возмущением. В такие минуты он был тяжел. Порой мне казалось, что художник хочет спора, что ему надо «выкипеть», чтобы успокоиться и начать работать.

●

Однажды я пришел к Галенцу с приехавшим из Москвы Александром Дымшицем, у которого затем завязалась дружба с художником. Дымшиц написал о Галенце одну из первых статей в центральной прессе, написал горячо, влюбленно. «Удивительный Галенц» — так называлась статья Дымшица. Художник был очень рад ей. «Зачем нас уговаривать, — говорил он, — пусть больше будет людей, понимающих искусство, как Дымшиц, и все будет прекрасно».

Галенц хранил не только положительные статьи о себе. Он вклеил в альбом вырезку из «Советской культуры» от 9 марта 1963 года, где Дмитрий Налбандян писал: «На местах у нас еще нередки перегибы, серьезные просчеты, о чем свидетельствуют и последняя выставка в Грузии и организация выставки Галенца в Ереване».

Выставка Галенца состоялась осенью 1962 года. Работы художника были приняты исключительно горячо. Месяц выставки был месяцем триумфального утверждения Галенца.

Галенцу трудно было работать «для себя». Были периоды, когда кисть художника не притрагивалась к холсту. Армине, жена художника, старалась в такие дни «спровоцировать» его на работу, просила написать портрет кого-либо из знакомых. Иногда в роли посредника выступал я. Так были написаны художником портреты поэта Ваагна Давтяна, писателя Хачика Даштенца, русских поэтов Александра Гитовича и Семена Липкина. Галенц поначалу сердился, принимался за работу неохотно. Но затем работа его увлекала, и он потеплевшими глазами смотрел на меня, просил о чем-либо рассказать, шутил.

●

Для большой тематической выставки Галенц писал портрет воина. Художнику нужен был солдат, который бы ему позировал. Мы с ним отправились в Ереванский Дом офицеров. Приняли нас приветливо. Через полчаса за нами приехал «виллис», и мы поехали в одно из подразделений. Когда дежурный офицер выстроил солдат и попросил нас пройти вместе с ним перед строем, Галенц сильно смутился, сказал, чтобы я сам попросил кого-либо позировать ему. Мне понравился молодой сержант. Он несколько раз приходил к Галенцу. Художник сделал несколько эскизов, а затем уже по эскизам написал портрет молодого воина.

●

У Галенцев всегда было много гостей. К ним приходили посмотреть картины, посидеть, поговорить. Здесь я познакомился с Андраником Царукяном, зарубежным армянским писателем, другом Галенца по Бейрутскому приюту для сирот¹.

Царукян приехал на несколько дней из Бейрута. Он говорил об увиденном в Армении: — Сегодня я был на границе и видел молодых русских ребят, которые с автоматами в руках стояли на страже нашей земли. Мне хотелось расцеловать их...

●

Галенц познакомил меня со священником и, чтобы смутить последнего, представляя меня, сказал:

— Знаешь, он коммунист!

Священник, интересовавшийся живописью, сразу же нашелся:

— Главное — он сын своего народа.

— Но он выступает против церкви, — подзадоривал священника Галенц.

¹ См. **Андраник Царукян**. Люди без детства. Перевел с западно-армянского Булат Окуджава. Изд-во «Прогресс», М., 1964.

Он любил пошутить и сам ценил шутку, юмористический рассказ. Ему очень нравилась притча о нищем страннике. В одном из сел, куда пришел странник, все были заняты заболевшим помещиком. Изголодавшийся чужестранец объявил себя врачом, велел принести хлеба, масла и меду, походил вокруг больного, съел все, что было принесено, и лег спать.

Ночью разбудили странника и сказали, что помещик умер.

— Если бы я не стал его лечить, — ответил странник, — умер бы еще один человек.

В мастерской Галенца можно было встретить людей самых разных. Помнится, пришли к нему двое мужчин — отец со взрослым сыном. Живописью они не интересовались. Оказалось, отец и сын приехали в Ереван к родственникам. Отец хочет оставить сына в городе, дабы отвадить его от дурной компании у них в райцентре.

Озабоченный родитель смотрел доверительно, с надеждой на Галенца и укорял непутевого сына:

— Останься в Ереване. Здесь такие образованные люди. Можешь приходить в мастерскую варпета¹. Я его попрошу об этом.

Но здоровенный, с черными поблескивающими глазами детина хотел одного — вернуться к своим друзьям. Отец же приводил в пользу Еревана все новые и новые доводы. Наконец, он сказал:

— Ну что тебе надо? Ереван не город, а рай. Можешь зайти в любой гастроном и купить колбасу любого сорта, даже московскую.

Галенц с интересом слушал этот разговор и затем часто вспоминал странных и столь колоритных посетителей своей мастерской.

Встречаясь с Галенцем, я записывал (к сожалению, не всегда) интересные с моей точки зрения высказывания художника.

Как-то пришел к Галенцу приехавший из Москвы искусствовед с местным гидом-переводчиком, который все время говорил Галенцу.

— Этот человек очень хорошо разбирается в живописи, очень!

А человек все время что-то говорил, «разбирал» полотна, перечислял школы, направления. И делал все это с легкостью необыкновенной.

И когда чуть ли не в десятый раз было сказано:

— Этот человек очень хорошо разбирается в живописи, очень! — Галенц сказал переводчику:

— А вот я пятьдесят лет занимаюсь живописью и не могу сказать, чтобы очень хорошо в ней разобрался.

25 апреля 1962 года были с Галенцем в гостях у художника Зомяна.

Смотрели работы Зомяна, спорили. Галенц:

— Художник, как путник, который двигается наощупь, наугад. Когда встречаются люди, понимающие искусство, и говорят свое мнение о наших работах, они указывают нам, куда мы идем и правильно ли идем, верно ли нами избран путь.

27 апреля. Галенц говорил, что два месяца не работает, что тошнит от красок.

— Может, я болен? — спрашивал он.

¹ Варпет — мастер.

Говорил, что часто ходит в кино, что его интересуют мимика, движения, световые эффекты, игра.

— Фильмы на русском языке я прекрасно понимаю, хотя не знаю языка.

В этот же день настойчиво просил, чтобы я помог ему достать чудодейственную книгу «Вецазарамия». Говорил, что это древние рукописные книги. Всего их три. Любое желание обладателя книги, как уверял Галенц, может исполниться.

— Мне очень нужна эта книга. Я бы по-другому стал работать и жить, — говорил Галенц.

1 мая были в гостях у Гранта Тамразяна. Галенц был весел, рассказывал разные забавные истории из своей жизни в приюте. Просил Тамразяна достать ему «Вецазарамия». Речь зашла о современной живописи.

— Надо рисовать так, — сказал Галенц, — чтобы смог свое произведение повесить рядом с работой Рафаэля.

3 мая.

— Приезжал недавно из Тбилиси художник Геворк Григорян, — рассказывал Галенц, — он мне говорил, что в Тбилиси распространился слух, будто я самый богатый советский художник, будто один только Алиханян купил у меня на полтора миллиона картин, будто за каждый мой рисунок, за каждую линию платят баснословные деньги. Это хорошо. Пусть так думают.

5 мая.

— В поэзии легче выразить свои чувства, — говорил Галенц. — «Я дам тебе солнце, дам вселенную, моя дорогая...» В живописи этого не скажешь... Знаешь, если я создам три картины, о которых мечтаю, этого вполне будет достаточно.

26 июня вместе с Галенцем были у Арама Инджикяна.

Читали «Лилит» Аветика Исаакяна. Галенц говорил, что он напишет Лилит, что Лилит — это мечта, это — любовь, а Ева — реальность. Нельзя, — говорил Галенц, — лишить человека мечты, надо, чтобы небо принадлежало человеку.

В начале октября спорили в мастерской Галенца о живописи, о профессиональном мастерстве.

— Нельзя учиться живописи, — сказал Галенц. — Человек, который умеет грамотно читать и писать, еще не писатель. Так и живописи нельзя выучиться. Можно овладеть техникой, грамотой письма, а этого мало.

В этот же день, теперь уже не помню по какому конкретному поводу, я сказал, что только в минуты творчества, в часы творческого озарения проявляется гений человека. Я сослался на Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Галенц часто вспоминал стихи Пушкина, просил повторить их, говорил, что надо ему работать.

Галенц любил слушать стихи. Однажды я ему читал Есенина и переводил прочитанное подстрочно на армянский язык. Жена художника Армине часто читала вслух армянские стихи. Галенц любил слушать стихи из «Книги скорби» Нарекаци.

14 октября. Были с Галенцем у Мариэтты Шагинян в гостинице «Армения». Писательница встретила Галенца очень приветливо:

— Я хочу о нем написать, но сейчас писать не буду. О нем теперь много пишут. Мне надо будет изучить его работы. Дымшиц о нем написал восторженно. Позировать Галенцу буду. Это очень талантливый художник.

Вечером того же дня были с Галенцем в Институте физики у А. И. Алиханяна. Здесь показывали старые фильмы Чаплина. Галенц восхищался искусством этого гениального актера.

15 октября. Мариэтта Шагинян позировала Галенцу. (Портрет Шагинян остался незаконченным). Тут же в мастерской бегал щенок.

— У Галенца очень породистый бульдог, — заметила писательница. — Он будет очень злым.

Кто-то из присутствующих сказал, что собаки у Галенца никогда не бывают злыми.

— Собаки похожи на хозяев. Если хозяин добрый, то и собаки бывают добрыми, — ответила Шагинян.

Пока Галенц писал портрет Шагинян, писательница рассказывала о положении в общеобразовательных школах, о денежной реформе. Галенц всегда просил, чтобы, позируя ему, о чем-то беседовали, говорили.

22 октября. Весь день с Галенцем.

— Давай, — говорил Галенц, — вместе поедем по России, проживем в Москве. Я буду много работать, а ты будешь писать статьи...

— Люди, хорошо понимающие искусство, говорят мне, что я очень хороший художник. Все хвалят. Не знаю, правда ли это? — спрашивал Галенц.

25 октября. Спорили о работе художника К. «Война».

— Война, — сказал Галенц, — это разрушение красоты жизни, разрушение гармонии, поэтому надо показывать не только разрушение, но и красоту, и гармонию. Иначе войну не изобразить. Ведь не случайно мы, имеющие атомные бомбы, когда говорим о войне, говорим не только о силе, но и о детях, о матерях.

6 ноября, утром.

— Вчера пришел ко мне писатель З., — рассказывал Галенц, — смотрит на мои работы и говорит, что у нас в Армении есть еще и другие художники. А кто говорит, что их нет? Это

ведь все равно, что больной пришел к врачу, а врач вместо того, чтобы осмотреть его, заявляет, что у него в больнице много других больных.

11 ноября. На ул. Абовяна мы с Галенцем встретили художника Геворка Григоряна, приехавшего из Тбилиси. Пошли в кафе. Григорян рассказывал о своей жизни.

— Надо бы написать Заробяну письмо, — говорит Галенц, — чтобы тебя, Геворк, и приехавшего из Египта Акопа Акопяна пригласили в Ереван.

Галенц с сожалением говорил, что многого добиваются люди не талантливые, а пробивные. Вспомнили армянскую поговорку: человек, потеряв совесть, находит дойную корову.

23 февраля 1963 года. Пришел к Галенцу один из его знакомых, тщетно пробовавший рисовать.

— Этот человек, — заметил Галенц, — все хочет рисовать, а я ему говорю: давай вместе найдем от рака лекарство и прославимся, а он не хочет.

...Галенц показал мне книгу «Искусство Армении» (М., 1962), где ни слова не было о нем.

28 ноября 1964 года Галенц не работает. Холодно.

— Когда холодно, не могу работать. Да и зачем работать? Некуда девать картины. В Ленинграде я однажды так замерз, что чуть было не заплакал.

Вдруг Галенц повеселел. Стал — уже в который раз — говорить о том, что в Тбилиси и в других городах его считают самым богатым художником Армении.

5 апреля 1965 года. Галенц ждал меня и Гургена Маари. Мы договорились, что Галенц будет рисовать Маари. Но случилось так, что Маари не смог прийти (потом он не раз об этом сожалел). Галенца это несколько расстроило. Вообще он был в этот день грустен.

— Думаю, — говорил он, — о своей жизни. И думаю о том, кем я был тысячу лет назад и где я был. Не могу сказать, что мое «я» вообще не существовало, но и нельзя сказать, что оно было в те далекие времена.

10 апреля. Галенц говорил о Майе Плисецкой, о том, что хочет написать новый ее портрет.

— Я видел ее в кино, видел в Большом театре. Она меня поразила. Я хочу изобразить на холсте ее движения, ее танец. Но, вместе с тем, я не стану писать танцующую Плисецкую. Танец, движения надо изобразить как-то иначе.

Говорил также о том, что в связи с пятидесятой годовщиной армянской резни, организованной турецкой реакцией, он хотел написать картину, что долго думал над этой темой и понял: в живописи не отразить эту тему. Можно написать книгу, снять фильм, но на холсте не изобразить всей трагедии.

В конце октября Александр Гитович с женой, Галенц и я поехали в Гегард. Галенц смотрел на Гегард, окруженный горами, и говорил, что придет сюда рисовать. Горы — большие,

задумчивые. Черные каменные глыбы оттеняли краски немногословного осеннего пейзажа. Особый колорит придавали осеннему пейзажу небольшие, пробившиеся сквозь камень, редко стоящие деревья густого темно-красного цвета. Они, как свечи, стояли на горных кручах, объятые красным пламенем. У Галенца есть такие пейзажи с одиноко горящими красными деревьями.

Во дворе Гегардского монастыря мы видели барана с надрезанным ухом — барана готовили для жертвоприношения. У ворот монастыря стояло деревцо, сухие ветки которого были обвешены лоскутками разноцветного ситца. Говорят, надо отрезать кусочек от своей одежды и привязать к ветке дерева, так, мол, можно избавиться от хвори.

Гитович написал затем стихи о Гегардском монастыре:

Здесь позабудешь ты о многом:
Здесь не монахи, а жрецы
Бредут за каменным порогом,
И жертвенная кровь овцы —
Насмешка идола над богом —
Течет в унынии убогом
И спят в пещерах мертвецы.

Есть у Гитовича стихи, посвященные Галенцу. Художник и поэт подружились и полюбили друг друга. Галенц написал портрет Гитовича. Портрет поэту очень нравился, хотя я замечал, что иногда портреты Галенца не нравились тем, кого он писал. Галенц никогда не льстил модели.

14 апреля 1966 года. Сказал Галенцу, что стихи Гитовича, посвященные ему, будут опубликованы в ближайшем номере журнала «Звезда». Прочел несколько стихотворений Гитовича по памяти.

— Левон такой толстый, — заметил Галенц, — потому, что в нем много стихов. Он — как толстая книга, в которой много листов. Если он не будет запоминать стихи, сразу похудеет, станет тонким-тонким.

16 августа. Весь день Галенц говорил о живописи, об искусстве.

— Природа очень красива, но я не могу работать, — сказал Галенц. — Почему-то люди не ладят с природой. Они даже не видят ее красоты. Наше время не любит прекрасное, не признает эстетики. В музыке стали ценить какофонию, в живописи — бессмысленность, уродство. Рисуешь прекрасное лицо — равнодушно отворачиваются, это, мол, мы видели. А если уродуешь линии, обнажаешь ущербное, болезненное — восхищаются. Красота разрушается. Этот вопрос очень меня волнует. Я не могу работать.

25 августа пришел к Галенцу с монгольским поэтом и переводчиком М. Цэдэндоржем. Галенца заинтересовал поэт и его рассказы. Цэдэндорж говорит, что горы Армении, ее долины похожи на Монголию. Смотрит на работы Галенца, и замечает, что краски Монголии такие же яркие, что Рерих жил в Монголии и писал ее пейзажи.

Цэдэндорж читает по нашей просьбе свои стихи. Затем подстрочно переводит одно из стихотворений на русский язык:

Два полюса — полюсы жары и холода.
Ты говоришь, холодно,

Ты говоришь, очень холодно.
Но что может быть холоднее горя?
Два полюса — полюсы жары и холода.
Ты говоришь, жарко,
Ты говоришь, очень жарко.
Но что может быть жарче любви?

Галенц с интересом слушал рассказ Цэдэндоржа о том, что водку делают в Монголии из молока и что это очень распространено. А в конных скачках принимают участие всадники от трех до семи лет, дети постарше не допускаются к соревнованиям. Малыши скачут около тридцати километров, обгоняя друг друга.

Цэдэндорж горячо интересовался рукописями Матенадарана, армянскими рукописными источниками по Монголии, интересовался армянской поэзией, которую собирается переводить на монгольский язык. Работы Галенца восхитили монгольского поэта.

— Я приехал в Армению, — говорил он, — чтобы ознакомиться ближе с ее поэзией. В мастерской Галенца я понял армянскую поэзию...

27 февраля 1967 года.

— Ты знаешь, — говорил Галенц, — сейчас художники и писатели пишут против науки. Наука должна оправдать себя. Взрыв атомной бомбы — это большое достижение науки, но ведь мир может погибнуть.

Я сказал, что не надо писать против науки. Галенц со мной не согласился:

— Значит, своим студентам ты так неправильно объясняешь наиболее острый вопрос времени.

В этот же день:

— Левон, ты не знаешь какого-нибудь хорошего врача. Что-то настроение у меня плохое. Поэтому и не работается.

В первых числах мая 1967 года Галенц — веселый, радостный — пришел к нам домой. Приглашал к себе, говорил, что приглашает на весь день, ругал, что я к нему реже стал захаживать. Я куда-то спешил и мы договорились, что приду к нему в ближайшее воскресенье.

Но не прошло и двух дней, как Галенца не стало. Умер он внезапно, от инфаркта.

В среду 10 мая 1967 года хоронили Галенца. Земля сухая, каменистая. Гроб с телом Галенца у вырытой могилы. Произносят речи. Ветер кружит сухую пыль глины.

Присутствующие по традиции берут горсть земли и бросают на гроб. Но земли нет, одни лишь камни да пыль глины — сухой, выцветшей, пыль цвета мертвых глаз злого чудовища. Пыль тут же уносит ветром, в руках остаются камни, припудренные глиной. Камни гулко стучат о гроб. Я хочу бросить горсть земли на гроб умершего друга. Кругом одни лишь камни. Но не пройдет и года, как на могиле художника взойдут цветы, взойдут сквозь камень.

1968

МАСТЕР ПОЮЩИХ КРАСОК

«Умирающему хочется жить... а затем видеть плачущих над собой»... Верно заметил поэт: уходящему из жизни хочется будто потусторонним взглядом окинуть всю свою жизнь, чтобы узнать, не была ли она бесполезной и ненужной, сожалеют и плачут ли оставшиеся о нем. Верно, но художнику хочется большего, и Галенц-художник, безусловно, хотел большего. Кроме сожаления и слез, он желал, чтобы память о нем, его искусство вечно волновали сердца людей.

Галенц хотел, чтобы его память, так просто и ясно зафиксированная, никогда не увядала ни на полотнах ни тем более в сердцах людей. И Галенц достоин такой большой любви и почета.

Арутюн Галенц, родившийся в Турции, еще ребенком остался без отца. С малых лет влачил он полную страданий судьбу «армянина». Переселения, изгнания, скитания, горестная жизнь в детдомах... Прочтите еще и еще книгу А. Царукяна «Люди без детства», где Галенц — один из действующих лиц, и многое станет ясным. После детдомовских скитаний и полуголодных лишений Арутюн Галенц, одержимый любовью к искусству, встречается с известным французским художником Клодом Мишле; многое перенимает у него сообразительный и талантливый ученик, вызывающий восхищение учителя. Очень скоро он становится известным художником Бейрута.

Ясно, что такому яркому дарованию, как Галенц, тесно в этой среде, и его постоянно тянуло на Родину, в родную среду, вдохновляющую художника.

Галенц прибыл на желанную Родину. В короткое время окружающие заметили его блестящее дарование и полюбили его. Галенц быстро стал самым любимым художником, знакомства с которым искали, тем более, что сам он был оригинальной, привлекательной личностью.

Весь интеллектуальный запас и эрудиция Галенца — в его природном таланте и в удивительно глубоком, тонком вкусе, которым пожелали бы обладать многие — многие художники, долгие годы дышащие воздухом Парижа.

От рождения тонкая, чувствительная душа Галенца прошла высшую школу — школу страданий, которая делает человека мудрецом. И будто всю жизнь Галенц очищался от того жизненного балласта, который накопился в его горькие детские и юношеские годы.

Его ясное и кристальное искусство — это именно та самая кристально чистая жизнь, отображенная в полотнах. Он мастер и линий, и цвета; жизненные горести и страдания не омрачили его душу, которая всегда оставалась светлой, как и его яркие, сказочно прекрасные краски. Многих молодых армянских художников Галенц приучил к свежести ощущений и любви к новому. Его творчество было очень полезно для современной живописи.

На алтарь искусства Галенц положил всю свою жизнь и свое искусство, и его жертва была принята с благодарностью.

МИМОЛЕТНО, НО НАВСЕГДА

Если бы меня спросили: чем был в моей жизни 1966 год? — я бы ответила: он был первым свиданием с Арменией. Чувство это возникло в дни самой поездки, увы, недолгие. Оно сохранилось и ныне. Знаю, что оно останется навсегда.

Красота этой прекрасной земли столько раз запечатлелась в стихах и в прозе, в цвете и в звуке, что было бы бестактным и даже кощунственным повторять сказанное другими. Путешествие было непрерывным узнаванием вроде бы давно тебе известного. Но чудо Армении в том и состоит, что человек, увидевший ее впервые, минуя всю «информацию», которой он располагает, каждый раз чувствует себя здесь первопроходящим. Он совершает свое личное открытие, и свежесть этого восприятия никакие чужие слова не в силах заглушить. Тебе кажется, что именно ты единственный способен вобрать в себя эту пышность красок, горделивость горных очертаний. Сдержанность рядом с величавостью. Нежность сквозь страстность. Отпечатки многовековой культуры народа, проступающие не только в творениях ученых и поэтов, но и в повседневном бытовом укладе, вполне современном.

Даже такой, казалось бы, непробиваемо-стандартный элемент городского пейзажа наших дней, как многоквартирные новостройки, в Ереване преобразуется в нечто своеобразно неповторимое. Не только дивный сиренево-розовый туф, из которого сложены дома, играет здесь роль. Рельеф местности, поворот здания, древний орнамент на фронтоне — все формирует твое восприятие города необыкновенного, какой нигде не увидишь. Он — для обычной жизни. Но он — и явление искусства. Сам по себе, а не только в воспроизведениях. И быть может, от этой слитности древнего и современного в армянских городах и селениях рождается ощущение предназначенности всего, что создано здесь природой и людьми для каждого, для общего — лично тебе, для твоей радости.

Принять и сохранить в себе Армению именно такой помог мне проникновенный мастер живописи Арутюн Галенц. Как, вероятно, помог и всем, кому посчастливилось посетить его дом.

Встреча с ним была недолгой и единственной. Состоялась она в последний день поездки. Уже после посещения Государственной картинной галереи армянской живописи. И после знакомства с выставкой репродукций картин армянского художника Гарзу, живущего и работающего в Париже.

Ранняя молодость Арутюна Галенца, как известно, тоже протекала за рубежом, в Сирии. Но годы расцвета художника были жизнью на родине, и ощущение восторга перед нею освещает все его картины. Они могли родиться только здесь, на родной земле. Это по преимуществу пейзажи и портреты. Буйство красок, резкость сочетаний и переходов — все это в первую минуту кажется плодом скорее воображения чем наблюдения. Но почему-то не можешь оторваться от них. Все пристальнее вглядываешься, и все сильнее начинаешь постигать истинную реальность, воссозданную художником. Свойство это — увеличитель-

ного стекла, а не зеркального отражения — и придает полотнам Галенца их индивидуальное настроение. Оно же определило его нелегкую судьбу, сложность его путей и перепутий к признанию.

Поразил меня и контраст между внешним обликом этого человека — тихий голос, замедленная речь, неспешные движения, угловатость, резко очерченное лицо с глубоко посаженными, затаенно страдальческими глазами — и страстным ликованием его пейзажей, их неумиротворенным воинственным духом, их бурной эмоциональностью. Но сильнее всего захватили меня портреты работы Галенца. Их много. Галенц писал ученых, поэтов, артистов, своих друзей. Но есть у него и портреты воображаемые.

На мой скромный взгляд неспециалиста, примечательнейший из них — портрет юного солдата-новобранца. Он прежде всего полемичен. В нем даны не физическая сила, не плакатная бравада и лихость, а нечто совсем иное, неизмеримо сильнее доносящее патриотическое воодушевление, готовность противостоять злым силам наших дней.

Перед нами тонкий, еще не сформировавшийся юноша, недавний школьник. В мягком рисунке его плеч, в нежной шее, в повороте головы видно, как еще не свyksя он с воинским обмундированием, как ему еще будет трудно. У него еще нет военной выправки. Но есть во взгляде его горячих глаз, в выражении лица какая-то непередаваемая словами устремленность, порывистость, пламень души — истинная одухотворенность. Быть может, он — крестьянский сын, а может быть из рабочей семьи. И при этом — печать какой-то врожденной интеллигентности. Ощутимо, как этот солдат думает, каковы его мысли о своем жизненном предназначении.

Это явно армянский юноша по национальному типу. Но при всей его определенности почему-то одновременно ассоциируешь его облик и с другими возможными чертами. Это — молодой *советский* новобранец, какого можно встретить в любом краю нашей Родины. Смотришь на него, и возникают мысли о восприятии Кавказа русским поэтом Лермонтовым, который видел в слабом юноше «могучий дух его отцов». Мцыри жил не в Армении. Но разве не та же пытливая мысль, не та же жажда «узнать, прекрасна ли земля, узнать, для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы» освещает это прекрасное лицо, полное жизни, отваги, ума? Полемичность образа такого современного солдата — в его идейной окрыленности, в романтичности, небудничности. В нем — мысль века. Это молодой солдат мира. Я убеждена, что этот портрет достоин широчайшего репродуцирования.

Среди портретов, созданных Галенцем в последнее время, бросился мне в глаза один, много говорящий моему ленинградскому сердцу. Это — портрет поэта Александра Гитовича.

Знакомство мастера стиха и мастера живописи состоялось в Ереване осенью 1965 года. Тогда и был написан этот портрет. Дело вовсе не в том, что Гитовича сразу узнаешь таким, каким он выглядел в последние годы своей жизни. Галенц не знал биографии поэта. Но он ее воссоздал, «прочитал». Не знал он в достаточной степени и русский язык, чтобы оценить стихи этого оригинального и сильного поэта. Но, видимо, из общения с ним родилось ощущение художником личности мужественного человека, солдата великой войны, прямого и предельно честного в своем творчестве. Сходство с Хемингуэем, возникшее в облике Гитовича не столь давно, донесено художником совсем не внешне. Резко-контрастные, казалось бы неправдоподобные в своем сочетании краски, и при этом — пристальный, слегка насмешливый взгляд поэта, вопрошающий: кто ты? каков ты? что ты сделал в жизни? Мужество и доброта, взискательность к труду поэта, терпкий юмор, жизненный опыт солдата, человека сурового долга — и вместе с тем озаренность высокой романтикой — таков этот портрет.

Именно таковы стихи Гитовича. Можно только поражаться наитию художника, открывшего через зримое изображение благородство творческой души поэта, угадавшего этот

удивительный сплав суровости и душевности, предельно земного и мечтательного, романтики и иронии.

Александр Гитович начал писать об Армении задолго до личного знакомства с ней — на фронте, оттолкнувшись от рассказов друга. Возникнув в его военной лирике как воплощение мечты о мире, о прекрасной цветущей стране, до которой еще долго идти сквозь великие битвы, она вновь предстала перед ним, уже наяву много лет спустя, незадолго до смерти. И поразительно: Армения видений поэта военной поры слилась с возникшей перед ним явью. Цикл стихов 1944 года «Пирыв Армении» естественно продолжился в стихах 1965—1966 годов. Во фронтовой землянке поэт вообразил этот изумительный край: «как будто лагерь братства и свободы поэзия раскинула в горах». В стихах 60-х годов он написал о том, что увидел сам. О «гостеприимстве трудовой души». Об Октябрьском военном параде в Ереване. О трагическом опыте армянской истории. О замечательных друзьях, которых он здесь обрел. О своей вере в будущее талантливейшего народа:

«... Что он предвидит, что изобретет?
В какой еще посмотрит телескоп,
Какое чудо вырастит в долине,
Через какой перемахнет окоп,
Чтоб вместе с нами ликовать в Берлине?!»

Несколько стихотворений посвятил Гитович Арутюну Галенцу. Для него этот художник — «Сезанн, влюбившийся в Севан». Зимой, среди северных снегов, ему снится красочная страна, «которую гений Галенца мне создал из красок и снов». Гитович описал в стихах собственный портрет, созданный Галенцем.

Теперь уже нет на свете ни этого поэта, ни художника, оставившего нам его портрет. Но остался немеркнущий свет этой «великой и внезапной дружбы», как написал Александр Гитович на своей фотографии, подаренной им художнику. Останутся стихи, зрелость которых, как старое вино, будет для нас все драгоценнее. Останутся ни на что другое в живописи не похожие картины Галенца,

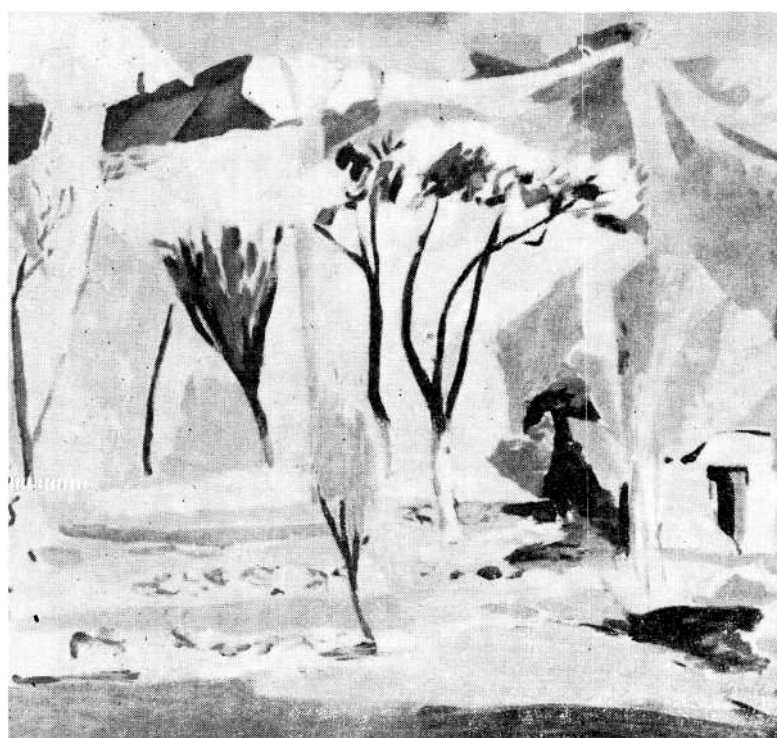
Как хочется снова открыть калитку в маленький тихий сад, в котором стоит дом художника. Войти в мастерскую, чем-то напоминающую келью. Снова и снова вглядываться в эти лица и краски, вслушиваться в их немую музыку. Не увидеть уже вопрошающий взгляд и короткую улыбку их создателя. Но творения Галенца должны узнать гораздо больше людей, чем можно насчитать сейчас. Они должны стать доступными не только на его родной земле. Радостью общения с ними хочется делиться, а картины его — смотреть и смотреть.

І. Автопортрет. 1946

II. Портрет мальчика (Пусик). 1960

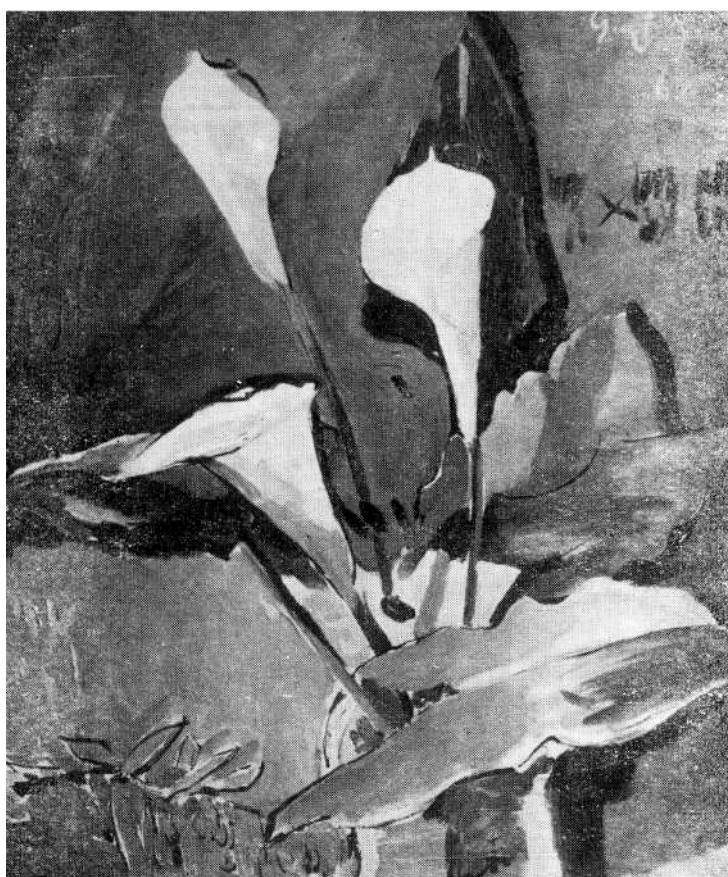
III. Весна в Армении. 1959

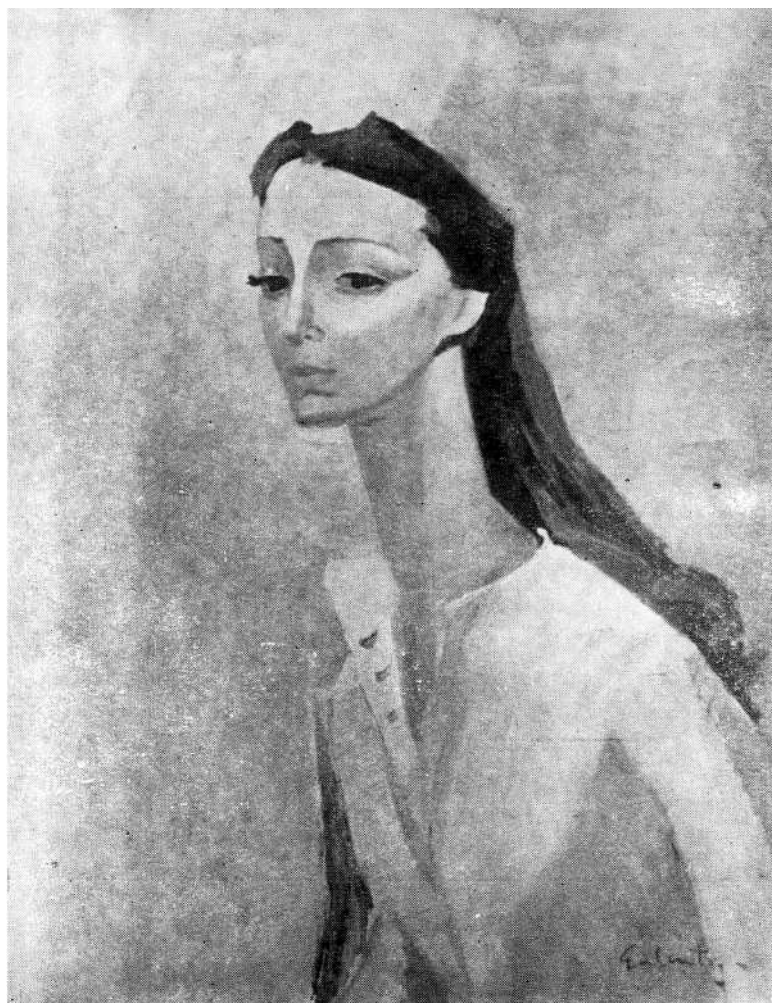
IV. Гоар Гаспарян в опере «Лакме». 1961

V. Скрипач Авет Габриелян. 1960

VI. Каллы. 1961

VII. Портрет балерины Майи Плисецкой. 1961

VIII. Поэт Геворг Эмин. 1959

IX. Осень в Армении. 1960

X. Портрет актрисы Хмары. 1962

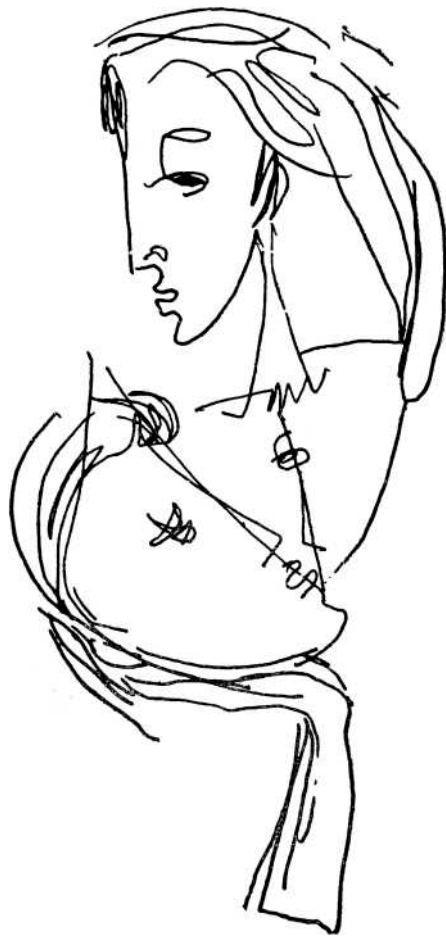
XI. Портрет физика А. Алиханяна. 1966

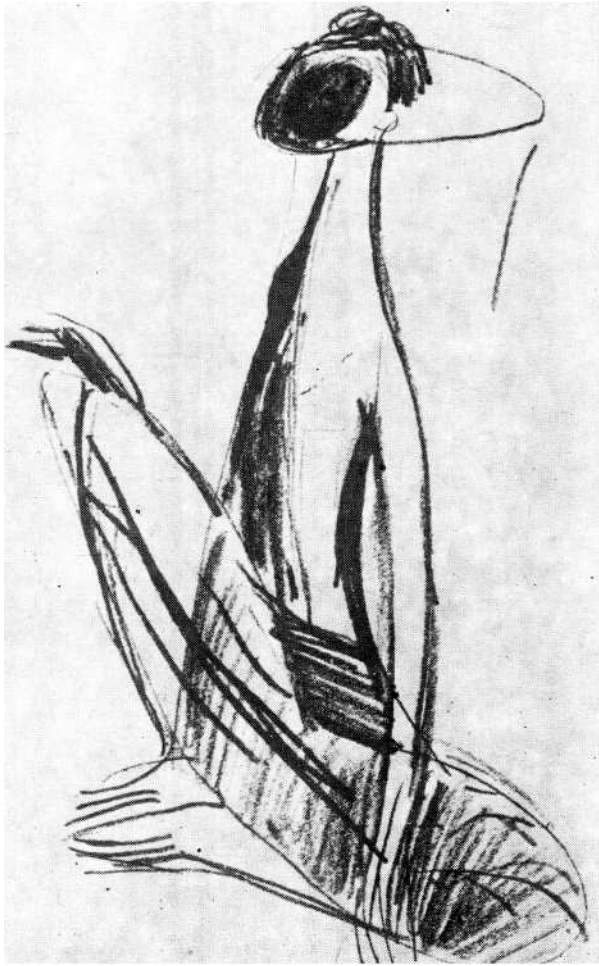

XII. Уголок двора. 1966

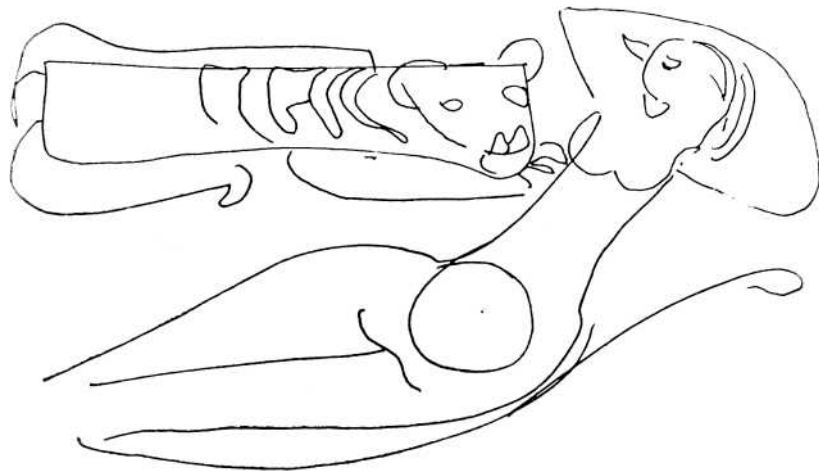

6

7

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Репродукции черно-белые:

- I. Автопортрет. 1946
- II. Портрет мальчика (Пусик). 1960 (*масло*)
- III. Весна в Армении. 1959 (*масло*)
- IV. Гоар Гаспарян в опере «Лакме». 1961 (*масло*)
- V. Скрипач Авет Габриелян. 1960 (*масло*)
- VI. Каллы. 1961 (*масло*)
- VII. Портрет балерины Майи Плисецкой. 1961 (*масло*)
- VIII. Поэт Геворг Эмин. 1959 (*масло*)
- IX. Осень в Армении. 1960 (*масло*)
- X. Портрет актрисы Хмары. 1962 (*масло*)
- XI. Портрет физика А. Алиханяна. 1966 (*масло*)
- XII. Уголок двора. 1966 (*масло*)

Рисунки А. Галенца (№№ 1—8) публикуются впервые.

На суперобложке — рисунок **Арутюна Галенца**

Фоторепродукции, помещенные в книге, выполнены *Б. М. Мавискаляном*.

СОДЕРЖАНИЕ¹

* Мартирос Сарьян. О Галенце (факсимиле рукописи) ...	3
Александр Гитович. «Так будет...»	4
Илья Эренбург. «Искусство находится...»	5
* Александр Дымшиц. Неутомимый искатель	8
Александра Пистунова. Счастье Арутюна Галенца	18
* Александра Пистунова. <i>Ars longa, vita brevis</i>	23
Дмитрий Молдавский. Друг мой Арутюн Галенц	31
Нонна Степанян. Счастливый талант	40
Рафаэль Арамян. Биография полотен Галенца	46
* Рубен Зарян. С полотнами Галенца наедине	51
* Арто Чахмахчян. Два слова	57
* Шаэн Хачатрян. Мир Галенца	59
* Левон Мкртчян. Об Арутюне Галенце	64
Ерванд Кочар. Мастер поющих красок	83
* Раиса Мессер. Мимолетно, но навсегда	86
Список иллюстраций	93

¹ Материалы, отмеченные звездочкой, выполнены специально для настоящего издания.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГАЛЕНЦ

(Статьи, воспоминания)

Художник **М. А. Бегларян**
Худ. редактор **А. В. Гаспарян**
Техн. редактор **О. С. Паникян**
Контр. корректор **И. С. Апкарян**

Сдано в производство 10/VI—1969 г. Подписано к печати 19/IX 1969 г.
Бумага типографская № 1. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Печ. 3.0 л. — 4.2 усл. печ. л., уч.-издат. 2.8 л. + 10 вкл.
Цена 29 к.

ВФ 08492

Заказ 663.

Тираж 5000

Издательство «Айастан», Ереван, ул. Теряна 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарты Главного управления полиграфической промышленности Государственного Комитета Совета Министров Арм. ССР Ереван, ул. Теряна 91.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир

Среди миров, открытых давно и еще не открытых, есть мир Галенца. Этот мир прекрасен не только потому, что он живой, но и потому, что он открывает каждому из нас мир нашей души. Армения выразила себя в Галенце, а Галенц выразил себя в нас, и мы стали Арменией, а Армения нами, работы же Галенца — людской гордостью, утверждением человека.

СЕМЕН ЛИПКИН

Цена 29 коп.

